

Наталья Олива

Крустальная тайна

Наталья Олива
Хрустальная тайна

«Издательские решения»

Олива Н.

Хрустальная тайна / Н. Олива — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933037-6

Когда научный сотрудник краеведческого музея Анна Воронцова узнала о том, что хранящийся в их семье старинный хрустальный кувшин обладает некоей зловещей тайной, сгубившей её родителей, она решает во что бы то ни стало её разгадать. Запутанные головоломки, неожиданные встречи, опасные приключения ждут её на пути к разгадке. Сумеет ли Анна разобраться в том, действительно ли кувшин убивает своих владельцев, а разгадав тайну хрусталя, обрести счастье в личной жизни, как гласит семейное предание?

ISBN 978-5-44-933037-6

© Олива Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Хрустальная тайна

Наталья Олива

Иллюстратор Никонова В.П.

Корректор Сулименко В.И.

Консультант Федорюк Ю.Я.

Консультант Юсиф Юнис

© Наталья Олива, 2018

© Никонова В.П., иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-3037-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемый читатель!

Эта история от начала до конца является художественным вымыслом. И хотя в ней упоминаются известные личности, автор не претендует на историческую достоверность описываемых событий.

Приятного чтения!

Глава 1

Снова суббота, а за ней воскресенье. Тоска! Эти два дня Андрей недолюбливал за то, что они были выходными. Хотя чего-чего, а работы, кроме оперативной, у него было предостаточно, взять те же документы. А делать её он мог и дома, при желании, конечно. Однако желания такого не наблюдалось. Андрей проводил чёткую границу между работой на работе и работой дома. Работа дома в его понимании была домашней: прибраться, устроить постирушку, что-то приготовить перекусить и прочие хозяйственные мелочи. Даже прихватив с собой на выходные пару папок с документами и имея реальную возможность их изучить, он вспоминал о них только в понедельник.

Андрею исполнилось тридцать пять, но женат он не был. Не сложилось, не срослось, не склеилось. И где же ты, та половинка, которую Бог создал именно для него? Где ты ходишь, и долго ли ещё будешь искать своего героя? А он здесь, лежит на диване в своей питерской квартире и проклинает этот день по имени Суббота. Так ты долго ещё будешь искать, надо самому браться за дело! С этим решением Андрей Вячеславович Летов поднялся, наконец, с дивана и поплёлся на кухню жарить себе яичницу. Когда три яичных солнца уже забрызгали маслом в сковородке, зазвонил мобильный телефон. «Господи, хоть бы с работы», – проблеснула надежда трудоголика, и сердце бешено заколотилось, когда он увидел на дисплее заветный номер родного отделения полиции.

- Слушаю.
- Дежурный Звягин. Андрей Вячеславович, вам срочно нужно прибыть в отделение.
- Что стряслось?
- Не знаю, но генерал-майор уже здесь.
- Сейчас буду.

Вскоре он был на месте. Навстречу ему по коридору шёл начальник Отдела по борьбе с хищениями исторических и культурных ценностей Управления уголовного розыска ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области генерал-майор полиции Виктор Фёдорович Рытвин.

– Здравствуй, майор, – пожимая руку, обратился он к Летову, – едем в аэропорт, по дороге всё объясню. Дело наклёвывается чрезвычайной важности, – продолжил Рытвин уже в машине. – Таможенники при досмотре накрыли одного товарища. Так вот, товарищ этот пытался вывезти во Францию раритетную фарфоровую статуэтку. Эксперт уже на месте, работает с конфискованной вещью. Не удивлюсь, если это та самая китайская статуэтка из коллекции Приставчука, пропавшая чуть больше месяца назад. Наша задача – выяснить, кому во Франции он хотел её продать. Думаю, он вёз её конкретному коллекционеру. Такие вещи просто так наудачу не вывозят, это явный заказ.

В отделе полиции «Пулково» их уже ждали. Полицейские пообщались с таможенниками, производившими досмотр, и подошли к специалисту-искусствоведу.

– О, знакомые всё люди, даже не сомневался, что увижу именно тебя, Антонов, – приветствовал эксперта Рытвин.

– Ну, как же без меня? Вы ж без меня, что дети малые без мамки, – поддержал шуточный тон полицейского ведущий эксперт Эрмитажа Павел Иванович Антонов.

- Что за вещица? – поинтересовался Рытвин у эксперта.
- Да вот, полюбуйтесь.

Он показал на стол, где стояла статуэтка. Это была фигурка собаки, обнажившей в оскале острые зубы. Казалось, она вот-вот набросится на своего противника и разорвёт того в клочья.

– Впечатляет! – восхищённо заметил Андрей. – Всего лишь глиняная фигурка, а столько динамики, что невольно ожидаешь броска в свою сторону. А какое реально зверское выражение морды! Не хотел бы я встретиться с такой собачкой где-нибудь в тёмной подворотне.

– Позвольте с вами не согласиться, – возразил эксперт. – Эта, как вы сказали, глиняная фигурка является восхитительным образцом восточного искусства. Перед вами уникальный китайский фарфор. Этой собачке примерно пятьсот – шестьсот лет. Точно скажу, когда проведу более тщательное исследование. Однако думаю, что не ошибся, и это Китай XIV – XV века.

– На чём же прокололся наш любитель старины? – полюбопытствовал Рытвин.

Вместо ответа эксперт показал на соседний стол. На нём стояли ещё две одинаковые фигурки собаки. Антонов взял их со стола и поставил рядом.

– А теперь найдите отличия.

На первый взгляд все три статуэтки были совершенно одинаковыми.

– Ну, и в чём же разница? Я не вижу никаких явных различий, – с удивлением спросил эксперта Андрей Летов.

– Разница лишь в том, что две фигурки керамические, а одна фарфоровая. Если внимательно присмотреться, то можно увидеть, что статуэтка в центре более тонкая, полупрозрачная. Ещё разница в возрасте – эти две современные, совсем свежие. Копии изготавливались на заказ, чтобы проще было пройти таможню. Часто туристы везут сувениры в нескольких экземплярах в качестве подарка друзьям и родственникам.

– Тогда вообще непонятно, как таможенникам удалось понять, что одна из статуэток является произведением искусства, а не обычным ширпотребом.

– Таможенники говорят, что обратили внимание на некоторую нервозность пассажира при досмотре. Они ведь все психологи. А потом уже выяснилось, что задекларированная как сувенир керамическая статуэтка в количестве трёх штук оказалась знакомой. Проверили по каталогу похищенных ценностей. И хотя владелец утверждал, что это всего лишь копии и везёт он их в подарок другу, что-то заставило таможенников засомневаться. Они и сами не могут объяснить, что именно. Я думаю, сработала интуиция. Решили проверить на всякий случай. Вот вас и вызвали. Сколько различных маскировок я повидал за свою профессиональную карьеру! Впору составлять инструкцию для таможни. Не стану раскрывать профессиональные секреты, однако я сходу определил, где керамика, а где фарфор.

– Похоже, это династия Мин, – заметил Рытвин.

Брови эксперта взлетели вверх от удивления.

– Да, я предполагаю, что именно так оно и есть. Но позвольте, как вы это определили?

– Не удивляйтесь, я не конкурент вашему профессионализму, – улыбнулся Рытвин, – просто похожая вещь была недавно похищена из одной частной коллекции. Коллекционер заявил её как фарфоровую статуэтку эпохи династии Мин. Хотя не факт, что это именно та статуэтка. В этом нам, а прежде всего вам, предстоит разобраться. Ну что, Андрей Вячеславович, – обратился он к Летову, – идём, побеседуем с горе – контрабандистом.

После допроса задержанного Рытвин с Летовым вернулись в отделение полиции. Они и ещё несколько сотрудников отдела что-то жарко обсуждали, спорили и, в конце концов, определились с дальнейшими действиями. После завершения оперативки в кабинете остались только Рытвин и Летов.

– Всё-таки здорово, Андрей, что ты владеешь французским языком. Очень нам кстати это обстоятельство.

– И не только французским, Виктор Фёдорович. Я также в совершенстве владею и английским и немецким языками. Перед тем как поступить в Санкт-Петербургский университет МВД, я окончил факультет романо-германской филологии при МГУ. Я по своей первой профессии – лингвист, переводчик.

– Я знаю, читал твоё личное дело. Всё вот спросить хотел, да не было удобного случая. Что же тебя сподвигло так кардинально сменить профессию и стать опером?

– Не просто опером, заметьте, Виктор Фёдорович, а опером в сфере искусства! А к смене профессии меня подтолкнула история, которая произошла в моей семье. Мои родители умерли один за другим, когда мне было четырнадцать лет. Я остался на попечении бабушки и дедушки. Любили они меня безмерно, хоть и старались быть строгими. И я их любил, особенно бабушку. Её я боготворил. Бабушка пережила блокаду, много бед и потерь выпало на её долю. Но эти беды не ожесточили её, более доброго человека я в своей жизни не встречал. А ещё она всегда была оптимисткой и глубоко верующим человеком. Говорила, что не опускать руки в самые тяжёлые времена ей помогала вера в Бога. Однако в церковь ходила редко, поскольку болели ноги, и выстоять службу до конца она не могла, а сидеть на скамеечке считала недопустимым. Каждое утро и вечер она молилась дома у иконы. Икона эта особенная была. Очень старая – XVI век, в тяжёлом серебряном окладе. Если верить семейному преданию, то икону эту подарил моему далёкому предку сам митрополит Филипп в то время, когда уже был лишён сана, и по приказу Ивана Грозного заточён в Никольский монастырь. Однако люди любили Филиппа и толпами приходили к святому человеку. Так со своим горем пришёл к нему и мой далёкий предок. Единственный сын, простудившись, умирал в горячке. В утешение Филипп снял со стены икону, благословил её просящего и отдал со словами: «Пусть пребывает в роду твоём сей святой лик и будет заступником и охранителем его». Икону повесили у изголовья больного, и тот выздоровел. С тех пор и стали почитать эту икону как хранительницу рода. Много раз бабушке предлагали продать её за большие деньги. Отказывалась, хотя и нуждалась, ведь тянула меня одна, дедушка умер вскоре после родителей. Говорила, что мама её не осмелилась продать икону в голодные годы, а сейчас зачем? Не голодаем ведь! Считала это страшным грехом и завещала мне эту икону беречь и дальше передавать по наследству. Была уверена, что она охраняет наш род. Так и молилась на неё, пока однажды, вернувшись с дачи, мы не обнаружили, что в квартире побывали воры. Украли они фронтовые медали деда, все бабушкины ювелирные украшения, но самой чудовищной пропажей оказалась икона. Бабушка как увидела пустой угол, так и слегла. Больше не поднялась. Похоронил я её, а сам решил, что обязательно найду икону. Окончил университет МВД и вот тружусь, ищу украденные из музеев и частных коллекций ценности, не даю вывозить их за кордон.

– Да, – вздохнул Рывин и неожиданно перешёл на доверительный тон. – А икону, Андрюша, ты обязательно найди. Если это родовая икона, то в роду быть должна. Это её предназначение. Тебе сколько годков? Тридцать пять! А семьи нет. Ты ведь последний в роду?

– Да.

– Ищи икону, Андрей, ищи.

У Андрея от этих слов Рывина стало тяжело на душе. Он не хотел верить в то, что его одиночество связано каким-то образом с пропавшей иконой. И совсем уж не ожидал услышать такие слова от генерал-майора, человека далеко не сентиментального. Чтобы закрыть неприятную тему, он обратился к Рывину.

– Детали операции мы обсудили, Виктор Фёдорович, какие ещё будут указания?

– Мы уже всё оговорили. В Париже тебя встретит наш французский коллега. Он сведёт с нужными людьми, через них ты выйдешь на заказчика. Будь предельно осторожен. Ставки очень высоки, как говорят, игра стоит свеч. Ну, ни пуха, ни пера!

– К чёрту.

Глава 2

Рене де Монтер, потомок знатного аристократического рода, уходящего своими корнями в далёкий XVI век, стоял у окна и любовался видом на парк в стиле «А-ля-Людовик». Господин де Монтер обожал своё поместье и, хотя жил в Париже, старался бывать здесь каждые выходные. Он нанял толкового управляющего, стараниями которого поместье всё ещё оставалось на плаву. Однако с каждым годом содержать родовой замок становилось всё труднее: его годовое обслуживание с обязательными отчислениями в исторические фонды составляло что-то около десяти процентов его стоимости, и господин де Монтер всё чаще стал задумываться о продаже замка.

В свои пятьдесят он был одинок. Авиационная катастрофа, произошедшая двадцать лет назад, лишила его семьи и наследников. От помешательства его тогда спасло увлечение коллекционированием предметов искусства и старины, которое впоследствии переросло в безудержную страсть. Эта страсть требовала немалых вложений, но де Монтер никогда не скупился. Он готов был заплатить огромные деньги за заколку Жозефины Богарне, древний манускрипт или карту. В его коллекции можно было увидеть редкие ювелирные украшения, принадлежавшие некогда известным людям, столовые приборы из фарфора и серебра, стоявшие на обеденных столах коронованных особ.

Посуда, кстати, была особой гордостью коллекционера. Он собирал сервизы. Вот и сегодня он ожидал гостя и очень нервничал. От того, что тот скажет, зависит, получит ли он ещё один предмет из легендарного хрустального сервиза. Цена его не заботила. Ради того чтобы заполучить все хрустальные предметы этого сервиза, он готов был продать даже родовое поместье, тем более что после его смерти его замок некому будет унаследовать, поскольку род де Монтер пресечётся.

О том, насколько безудержным было его стремление иметь вожаженный сервиз, свидетельствовал и тот факт, что господин де Монтер готов был преступить закон. Раньше он никогда не позволял себе приобретать предметы даже с малейшим намёком на их криминальную историю. Он покупал только «чистые вещи» у известных коллекционеров и частных лиц. Однако сегодня он ни перед чем не остановится: не важно, что очередной хрустальный предмет специально нанятые им люди обнаружили в одном из российских музеев. Кувшин Марии Антуанетты будет принадлежать ему. В конце концов, справедливость должна восторжествовать: этот сервиз принадлежал французской королеве, следовательно, должен находиться во Франции.

Когда де Монтер впервые увидел коллекцию хрустальных приборов из «Сервиза Королевы», он был очарован их красотой. Владелец сервиза Анри де Люзас был известным искусствоведом. Поговаривали, что он имеет прямое отношение к династии де Бурбон, и хрусталь достался ему по наследству от его венценосных предков. Но сам он по этому поводу только отшучивался. Изначально сервиз состоял из шести парных предметов. Из них до Люзаса дошли всего четыре, и ни один не был парным: графин для вина, бокал, креманка и ваза для фруктов. Пятый предмет – хрустальный стакан – Люзас выкупил из частной коллекции. Просьбу де Монтера продать все пять имеющихся в наличии предметов сервиза за фантастическую цену он вежливо, но твёрдо отклонил. В запале де Монтер в присутствии нескольких свидетелей пообещал, что найдёт недостающую часть сервиза, чего бы это ему ни стоило, и утрёт нос де Люзасу. Все восприняли это заявление как пари.

Вот именно с тех пор де Монтер и потерял покой. Была в этом хрустале какая-то магия, нечто мистическое, что лишало его сна. Хрусталь стал сниться ему, но самым удивительным было то, что сны повторялись с определённой периодичностью лишь с небольшой разницей в деталях. Всегда одно и то же: он стоит в своём кабинете возле окна, раздаётся стук в дверь.

Входит прекрасная молодая женщина в великолепном платье эпохи Людовика с подносом в руках и, не проронив ни слова, подходит к нему. На её подносе стоит хрустальный предмет. Де Монтер с волнением берёт его в руки. Женщина, поклонившись, уходит, произнеся одно единственное слово: «Goodbye». Первый раз она принесла ему бокал.

Именно хрустальный бокал и стал первым предметом, положившим начало коллекции. Де Монтер купил его на аукционе, находясь в деловой поездке в Нью-Йорке совершенно случайно. Ну не чудо ли? О том, что из этого хрустального бокала пила сама французская королева, ни организаторы аукциона, ни владелец, выставивший этот лот на продажу, по всей видимости, даже не догадывались. Иначе стартовая цена была бы раз в десять выше заявленной. Де Монтер предложил сразу такую сумму, что никто больше не стал бороться за этот лот. Когда он сообщил о своём приобретении де Люзасу, тот сначала не поверил. Однако после предъявления результатов экспертизы, которую предусмотрительно провёл де Монтер, ему пришлось признать подлинность бокала. Естественно, что Люзас предложил его продать и, конечно, получил отказ. Так между коллекционерами началось соперничество.

Буквально на следующую ночь, после того как хрустальный бокал занял своё место в замке, прекрасная незнакомка снова пришла к нему во сне. На этот раз она была одета в другое платье, а на её подносе стояла ваза для фруктов. Когда ваза оказалась в руках де Монтера, женщина, поклонившись, ушла. На прощание она сказала: «Au revoir». Ошеломлённый коллекционер понял, что следующим предметом сервиза станет ваза для фруктов, а найдёт он её во Франции. Когда внезапно возникли дела в Нанси, он уже не сомневался, что именно в этом городе найдёт интересующий его предмет. Так и случилось. Ноги сами привели его на антикварный рынок. Именно там де Монтер и купил вазу, которая стала вторым предметом в его коллекции. Затем в ней таким же образом появились стакан, креманка и графин для вина. Все предметы достались ему без особого труда, по чудесной подсказке прекрасной незнакомки. Де Монтер решил, что это сама Мария Антуанетта помогает ему, и если это так, то он просто обязан собрать весь сервиз воедино. Это убеждение постепенно переросло в манию. Коллекционер стал одержим этой идеей, которая превратилась в смысл его жизни.

Почему она обратилась именно к нему, чем он заслужил такую честь? Этот вопрос не выходил из головы, и чтобы найти хоть какое-то вразумительное объяснение, он засел за изучение истории своего рода. Оказалось, что его четырежды прабабка была фрейлиной Марии Антуанетты и её близкой подругой. Участь её была страшна: её растерзала беснующаяся революционная толпа. Это обстоятельство, о котором де Монтер ничего раньше не знал, и явилось, вероятно, тем поводом, который позволил королеве обратиться к нему. Других объяснений своим снам он не находил. Теперь возник другой вопрос: для чего ей понадобился сервиз? Всё это будоражило его воображение, и Монтер решил спросить об этом саму королеву. Однако во сне он не мог этого сделать, поэтому стал каждую неделю посещать Малый Трианон. О том, что Мария Антуанетта обожала этот дворец, знали все. И о том, что дух несчастной женщины не смог расстаться с местом, где она была так счастлива, тоже известно. Служители музея неоднократно видели её в садах Трианона, где она при жизни проводила почти всё свободное время. Де Монтер стал ходить сюда в надежде, что призрак королевы предстанет перед ним, и он получит ответ на свой вопрос: для чего он должен собрать сервиз? Однако она являлась ему только во снах.

Когда прекрасная королева, как называл её де Монтер, пришла к нему в очередной раз, на её подносе стоял хрустальный кувшин для воды. «До свидания», – услышал мужчина на прощание и проснулся. Значит, следующим предметом его коллекции станет кувшин, и находится он в России. Это такая огромная страна! В ней тысячи частных коллекций и не меньшее количество музеев. Искать кувшин в России – всё равно, что искать иголку в стоге сена. К поиску кувшина господин де Монтер решил подключить своего старого друга и душеприказчика Жана Зиновьевна, который имел русские корни и сохранил весьма широкие связи в России. В его

распоряжение были предоставлены солидные финансовые средства и неограниченная свобода действий, имеющие одну единственную цель – найти хрусталь, где бы он ни находился, и доставить его во Францию.

Мысли мужчины прервал управляющий, который пришёл сообщить о том, что долгожданный гость прибыл и что он не один. Господин де Монтер пригласил посетителей в кабинет.

– Прошу, господа, присаживайтесь, – хозяин указал на кресла возле старинного камина. – Сигару? – предложил он.

После того как гости закурили свои сигары, Рене де Монтер обратился с вопросом, ответ на который так хотел получить.

– Я так понимаю, мсье Зиновьев, у вас для меня есть важная информация?

– Вы не ошиблись, иначе я не сидел бы сейчас перед вами. Позвольте мне представить вам Виктора Славина. Я о нём рассказывал. Именно он будет руководить операцией в России.

Славин молча кивнул. За всё время он не произнёс ни одного слова. Это был высокий мужчина средних лет, брюнет с огромными чёрными глазами. На собеседника он смотрел пристально, не отводя глаз, и выдержать долго его взгляд было нелегко.

– Мсье Славин, – обратился к гостю де Монтер, – мсье Зиновьев мне уже рассказал о вас. И поскольку я плачу немалые деньги, мне хотелось бы услышать от вас лично о плане, который вы намерены осуществить по интересующему меня делу. Насколько вы уверены в успехе предприятия?

– На девяносто девять процентов, и говорю вам об этом прямо. Один процент я оставляю на случай форс-мажора.

– Мсье Славин шутит, он не провалил ещё ни одной операции, – поспешил успокоить собеседника Жан Зиновьев. – Третьяковка и Эрмитаж – его визитные карточки.

– Если можно, подробнее.

– Хорошо, – согласился Славин. – Вожделенный предмет находится в фондохранилище. И это обстоятельство облегчает нам задачу и увеличивает наши шансы в разы. Деньги творят чудеса! Он незаметно покинет фонды, и его исчезновение обнаружат только через несколько лет. А учитывая национальную черту, именуемую «разгильдяйство», вполне может быть не обнаружат вовсе.

– Что же это за музей?

– На этот вопрос я не могу вам ответить, мсье де Монтер. Тайна местонахождения интересующего вас предмета – это гарантия того, что вы не откажетесь от моих услуг, и козырь в моих руках: если мы не договоримся сейчас о цене, вы не сможете передать этот заказ другому исполнителю, а вот я смогу предложить товар любому коллекционеру. Смею утверждать, что в желающих недостатка не будет.

– Вас беспокоят гарантии, понимаю. А какие гарантии вы можете дать мне, мсье Славин?

– Пока желанная вещь не окажется в ваших руках, я не возьму с вас ни копейки. Кроме, разумеется, тех денег, которые понадобятся мне для подкупа хранителей фонда и на текущие расходы. С вами мы заключим письменный договор, который будет храниться в нотариальной конторе вашего друга мсье Жана. И как только он засвидетельствует получение вами заказа, вы перечислите на мой счёт всю причитающуюся мне сумму в полном объёме. Вас устроит такая гарантия, мсье де Монтер?

– Да, вполне. Мы можем приступить к составлению договора.

– Все бумаги уже готовы, – Зиновьев положил на журнальный столик несколько листов, – требуется только внимательно их изучить и, если вас всё устроит, поставить подпись.

– О, вы предусмотрительны, мсье Жан.

– Я ведь ваш нотариус и доверенное лицо, и я заинтересован в том, чтобы права моего клиента были соблюдены.

– Да, и ещё один момент, мсье де Монтер, – Славин отложил в сторону недокуренную сигару, – если, получив предмет, вы решите оставить меня без вознаграждения, информация, где находится музейный экспонат, немедленно окажется в компетентных органах. Шутить со мной не советую. Я на таких делах съел не одну собаку.

Когда все бумаги были подписаны и Виктор Славин ушёл, де Монтер обратился к своему другу:

– Я не могу избавиться от ощущения тревоги и того, что совершил ошибку. Не стоило доверяться этому русскому, да ещё к тому же питающемуся собаками.

– Дорогой Рене, вы успокойтесь, когда услышите имена известных всей Франции коллекционеров Жана Вальяна и Клода Кампо?

– Что? Они имели дело со Славиним?

– Да, иначе в их коллекциях не было бы тех вещей, которых уже нет ни в Третьяковке, ни в Эрмитаже. А собак он не ест, это просто образное выражение, означающее, что он опытный человек в делах такого рода.

– Но договор! Если он всплывёт...

– Не всплывёт, – перебил своего собеседника Жан Зиновьев, – вышеперечисленные господа так же, как и вы, заключали подобные письменные соглашения, чтобы обезопасить себя от мошенничества. Ведь мы не указываем в договоре, что Виктор Славин обязуется выкрасть для вас музейный экспонат. По договору он просто посредник и обязуется приобрести для вас ценную вещь у русского коллекционера. И только. Как говорят в России, «комар носа не подточит». Чего вы опасаетесь, Рене? Если операция сорвётся, вы, конечно, потеряете некую сумму. Но в сравнении с тем, что вы могли бы потерять, эта сумма – сущие копейки. Согласитесь. И потом, если операция всё же сорвётся, я тут же уничтожу бумаги, чтобы даже намёка не было на вашу связь со Славиним. Или вы сомневаетесь в моей порядочности и преданности вам?

– Что вы, что вы, Жан! Как вам такое в голову пришло? Мы с вами уже более двадцати лет ведём совместные дела, и за это время вы ни разу не дали мне повода усомниться в вас.

– Тогда считаю эту тему закрытой. Уже завтра я переведу, с вашего разрешения, определённую сумму на счёт Славина, и всё, что вам останется, это ждать.

Собеседники ещё немного поговорили и распрощались. Рене де Монтер подошёл к окну и открыл его. Лёгкий ветерок зашуршал в складках портьер, вместе с ним в комнату ворвался птичий трезвон. «Как хорошо вам, птички. У вас нет никаких забот, – подумал де Монтер. – Вы всегда счастливы и веселы. И у меня тоже скоро появится повод для радости. Представляю себе, как удивится Люзас, когда увидит хрустальный кувшин! Это будет настоящий триумф, поскольку кувшина в коллекции де Люзаса нет, и никто из коллекционеров даже представления не имеет, где находится его парный близнец и сохранился ли он вообще». Угрюмое лицо Монтера озарила счастливая улыбка.

Глава 3

«Хочешь быть счастливым – будь им!» Ещё вчера, возвращаясь с работы, Аня купила эту книгу. Автор, авторитетный психолог, в предисловии обещал, что каждый, кто прочтёт его труд, поймёт, наконец, в чём причина его несчастий и получит ключ к собственной счастливой жизни. Одурев от бессонной ночи, Аня добралась до последней страницы и несколько раз перечитала вывод: «Главное – поверить в то, что счастье своё мы создаём сами, образ его прежде рождается в наших мыслях, а после уже становится реальностью. И если ты имеешь твёрдое намерение стать счастливым, то ты непременно им станешь»!

Что за очередной бред! Аня с раздражением отшвырнула книгу, которая со всего размаха угодила в хрустальный кувшин, стоявший на тумбочке, опрокинув его на пол. В образовавшейся луже сиротливо лежала чайная роза. Аня встала с дивана, подняла цветок. На полу рядом с кувшином осталась лежать отколовшаяся хрустальная ручка. Дурная примета! Нет, надо гнать недобрые мысли прочь. Это проверка на прочность. Она решила стать счастливой, да будет так! Тем более что посуда, говорят, бьётся к счастью.

Аня как зачарованная смотрела на разрушительные следы своей ярости, до конца ещё не осознавая, что произошло. Надо успокоиться! Сегодня уже ничто не может вывести её из равновесия. Предстоял очередной рабочий день старшего научного сотрудника областного краеведческого музея. До сдачи отчёта по проекту и его утверждения учёным советом осталась неделя, ещё неделя на организацию самой выставки и две демонстрационные недели, в течение которых Ане отводилась роль экскурсовода. Итого месяц. Ещё целый месяц до отпуска, такого долгожданного и так необходимого для неё.

Последнее время Аню всё чаще посещала мысль об увольнении, но каждый раз, написав заявление, она не могла отнести его в отдел кадров, словно какая-то неведомая сила останавливала её. Девушка злилась на себя за своё малодушие, пыталась понять, что на самом деле удерживало её и ещё больше злилась от того, что не находила ответа. Отпуск необходим был ей как воздух. Диагноз «нервное истощение» грозил вырваться наружу потоком нелицеприятных выражений в адрес некоторых сотрудников, чего даже при жгучем желании Аня себе никогда не позволяла, или, что ещё хуже, полётом в голову оппонента какого-нибудь предмета старины. О том, что это уже вполне возможно, свидетельствовало происшествие с кувшином.

Кувшин! Только сейчас Аня вдруг отчётливо поняла, что же на самом деле произошло в это злосчастное утро. Она разбила кувшин! Само по себе это событие, может быть, и не заслуживало особого внимания, если бы не тот факт, что кувшин этот был не совсем обычный, точнее, совсем необычный. Он был старинный, передающийся из поколения в поколение. Анина бабушка передала этот кувшин ей.

– Сегодня, в день твоего совершеннолетия, я хочу подарить эту ценную вещь в твоё полное и безусловное владение, – торжественно произнесла Анастасия Павловна, вручая своей внучке картонную коробку.

Аня открыла коробку и осторожно извлекла из неё нечто, укутанное в обёрточную бумагу. Слой за слоем она разматывала бумагу. Ей уже стало казаться, что этой бумаге не будет конца, когда, наконец, блеснуло стекло. На свет божий явился хрустальный кувшин.

– Какая красота! – восхищённо проговорила Аня. – Почему он столько лет лежал в коробке?

– Так вещь-то, внученька, необычная. В детстве отец много рассказывал тебе об этом кувшине. Забыла разве?

– Я помню, бабуль, это подарок Екатерины II.

– Правильно. Ты вот на истфаке учишься, кому же, как не тебе понимать историческую ценность этой вещицы.

– Да, подумать только! Этот кувшин держала в руках сама императрица!

– А потом твоя четырёхжды прабабка Анна Нарышкина. И так повелось по женской линии – от одной Анны к другой. Береги его, внученька, он принесёт тебе счастье. Кувшин этот необычный. Он хранит какую-то тайну вот уже более двух с половиной сотен лет. Именно тебе, по преданию, он откроет её. Ты ведь у нас та самая, четвёртая Анна в роду. У тебя особая миссия.

– Миссия невыполнима, – улыбнулась Аня. – Какую тайну может хранить этот кувшин? Почему никто в нашем роду не имел ни малейшего представления о том, что это за тайна такая?

– Так ведь на то она и тайна, чтоб никто не знал, – улыбнулась старушка, – а ты, внученька, узнаешь.

Аня долго ещё рассматривала старинный предмет.

– Ну, полюбовалась, и ладно. – Анастасия Павловна осторожно взяла из рук Ани кувшин, – заверну его хорошенько и снова в коробку.

– Почему, бабушка? – удивилась Аня.

– Целее будет.

– Зачем такую красоту прятать, – не сдавалась Аня, – в чём смысл его пребывания в коробке, он же не в музейных запасниках? Он должен жить, переливаться светом всех своих граней, радовать душу.

Анастасия Павловна задумалась.

– Пожалуй, ты права. Кувшин теперь твой, и ты вольна распоряжаться им по своему усмотрению. Хочешь – любуйся, а хочешь – продай.

– Что ты такое говоришь, бабушка! – возмутилась Аня. – Это семейная реликвия, и я буду его беречь и дальше передавать по наследству. Обещаю тебе.

Аня обняла старушку.

– Ну, полно, полно, тебе, – растрогалась Анастасия Павловна. – Это я к слову сказала. Я знаю, что ты будешь дорожить этим кувшином. Помни, он принесёт тебе счастье.

И вот теперь, без особой на то причины, кувшин, который не погубили ни революции, ни войны, лежал на полу, а рядом отколовшаяся ручка. Аня стояла возле кувшина и, не отрываясь, смотрела в одну точку. Её воспоминания нарушил настойчивый телефонный трезвон. Растеряв по дороге тапочки, Аня влетела в прихожую и сорвала трубку.

– Анна Алексеевна, вам срочно, до учёного совета, нужно внести изменения в программу выставки, с учётом экспозиции питерского музея.

– Какой экспозиции, Елена Ивановна, ничего не понимаю, ведь у меня уже всё практически готово!

– Объясняю. Из Петербурга к нам приезжает выставка восковых фигур «Екатерина Великая и её окружение», а ваша тема напрямую связана с этой эпохой. Считайте, вам крупно повезло, ваш проект от этого только выиграет. Несколько дней меня не будет, собственно, поэтому и звоню: хочу, чтобы эту новость вы узнали от меня лично, а не от моего зама. По всем вопросам в моё отсутствие обращайтесь к Аркадию Павловичу. Всего доброго.

– Елена Ивановна, когда вы приедете? – ответом были гудки. Лаконичная, категоричная, не терпящая возражений директриса и сейчас была в своём репертуаре – сказала, как отрезала.

Переделка проекта для Ани была не самой большой неприятностью, она уже привыкла к тому, что в последний момент частенько приходилось вносить изменения в программу выставок. Гораздо больше её огорчила перспектива вплотную общаться с Аркашей. Аркадий Алексеев был первой её любовью. Красивый, невероятно умный мальчик из интеллигентной семьи, душа компании, заводила и организатор всех студенческих вечеров. Все однокурсницы были в него влюблены. Аня даже и не надеялась, что он обратит внимание на неё, серую мышку, каковой она себя считала. Она не была наделена той женской красотой, которая сразу бросается в глаза. Про таких девушек, как Аня, говорили «симпатичная». Одним словом, из толпы она не выделялась. Однако Аркадий не только обратил на неё внимание, а стал активно, в своей напористой манере ухаживать за ней.

Родители её, археологи, трагически погибли на раскопках в Крыму, когда Ане было девять лет. Взгляды на жизнь и своё место в ней девочке прививала её бабушка Анастасия Павловна, воспитавшая внучку в лучших традициях института благородных девиц. Аня умела всё, что, по мнению Анастасии Павловны, необходимо было для счастливой семейной жизни. Юная, наивная девушка могла стать идеальной женой самому разборчивому мужчине. Она могла прекрасно готовить, шить, вязать, содержать в безупречном порядке дом. Об одном забыла предупредить Аню бабушка, о том, что на дворе уже давно не романтический XIX век, и большинство современных мужчин ценят в женщинах совершенно другие качества.

С Аркадием ей было интересно общаться, у них было множество точек соприкосновения. Будучи студентами исторического факультета, молодые люди были увлечены не только историей. Они обожали классическую музыку, часами пропадали на консерваторских концертах, всевозможных художественных выставках, часто ходили в театр. Аня не сомневалась: Аркадий её вторая половинка и своё будущее без него уже не мыслила.

Когда внезапно и очень серьёзно заболела бабушка, жизнь Ани изменилась. Она не могла теперь, как прежде, всё свободное время проводить с Аркадием. На её плечи легла забота о единственном близком человеке. Анастасия Павловна перенесла инсульт и нуждалась в особом уходе. Она с трудом передвигалась и практически ничего не говорила, а если и пыталась что-то сказать, то понять её было трудно. Аню жгло острое чувство вины: ведь именно в ту ночь, когда с Анастасией Павловной случился инсульт, Аркадий уговорил её остаться у них на даче. Родители его были в командировке, выдался редкий случай побыть вдвоем, наедине. Поскольку в чувствах своего молодого человека Аня не сомневалась, тем более что по при-

езде родителей Аркадий собирался представить им Аню в качестве своей невесты, она без тени сомнения осталась с ним в ту ночь. Это была восхитительная ночь любви, страсти и грёз. Счастье Ани было безмерно. Словно на крыльях, она летела домой, понимая, что жизнь её теперь изменится. Ей не терпелось поделиться радостью с бабушкой, обсудить с ней предстоящее представление родителям жениха. Чувства переполняли её. Возле подъезда Аня увидела машину скорой помощи, и недоброе предчувствие кольнуло сердце.

Оказалось, поздно вечером Анастасии Павловне стало плохо, она намеревалась вызвать врачей, однако не дошла до телефона и, потеряв сознание, пролежала всю ночь в прихожей в абсолютно беспомощном состоянии. Только утром соседка и давнишняя приятельница Анастасии Павловны, не сумев дозвониться подруге, заподозрила неладное. Она вызвала участкового, и в его присутствии сотрудник жилищно-коммунальной конторы вскрыл дверь. К счастью, Анастасия Павловна была жива, но ночь, проведённая на полу в прихожей без медицинской помощи, только усугубила её состояние – драгоценное время было упущено. Прогнозы медиков не внушали оптимизма.

Аня брела словно во сне, в голове звучал только один вопрос: что будет, если бабушка умрёт? Умрёт. Это страшное слово стучало в висках, отдавало жуткой болью в затылке, закрывало пеленой глаза и проливалось из них жгучими солёными слезами. Она вытирала рукавом слёзы, из-за которых ничего не было видно, и шла привычной дорогой к дому, то и дело спотыкаясь и задевая прохожих. Многие оборачивались, что-то говорили вслед, но она никого вокруг себя не видела и ничего не слышала. Бабушка скорее умрёт, чем выживет. Господи, за что? Ведь у неё никого, кроме бабушки, не осталось! Как страшно, как горько и как несправедливо! И как теперь жить дальше?

Взгляд её скользнул по окну краеведческого музея, мимо которого она сейчас проходила и остановилась внезапно, словно механическая игрушка, у которой кончился завод. Она тысячу раз скользила по нему взглядом и тысячу раз читала на белом листке формата А-4: «Требуется дворник». Сколько себя помнит Аня, это объявление висело на одном и том же месте, в одном и том же окне краеведческого музея, которому вечно был нужен дворник. И вот теперь что-то изменилось, что-то произошло такое, отчего мозг её, привыкший по нескольку раз в день фиксировать это объявление, вдруг отключил её ноги, резко повернув её тело к окну. Она ещё не осознала до конца, что происходит, очередной раз смахнула слёзы и только тогда увидела рядом с привычным и ставшим уже таким родным объявлением «требуется дворник» ещё один лист формата А-4, но отчего-то тёмно-оранжевый, который извещал, что музею «требуется научный сотрудник». Научный сотрудник, научный сотрудник – вертелось теперь в мозгу. Научный сотрудник требуется! До Ани, наконец, дошёл смысл объявления, и она двинулась в гостеприимно распахнутые настежь ворота музея.

Зачем она туда сейчас шла, Аня определённо не знала, но ноги сами вели её. Мозг работал чётко, однако Анино сознание понимало его действия с небольшим опозданием, как говорят, «плохо соображала». И только когда открыла дверь и вошла в помещение, она вдруг отчётливо поняла, зачем ей сюда нужно. Она не была уверена, что может быть научным сотрудником краеведческого музея. У неё пока что неоконченное высшее образование, которое, учитывая сложившуюся ситуацию с бабушкой, может так и остаться неоконченным высшим. На очном отделении учиться она уже не сможет, а для того чтобы перевестись на заочное, ей нужна работа. Нужны деньги, много денег, чтобы поднять бабушку. Лекарства дорогие, и одной бабушкиной пенсией уже не обойтись. Они просто не выживут на её пенсию, если Аня не найдёт работу. А тут требуется научный сотрудник. Её образование, хотя ещё и неоконченное, но всё-таки высшее и главное – историческое. Для историко-краеведческого музея самое то.

Уже поднимаясь на второй этаж, Аня вдруг засомневалась. Может быть, сначала нужно было позвонить? Недаром ведь в объявлении был указан телефон. В объявлении, где требовался дворник, телефон указан не был. Оно и понятно. Дворник – жуткий дефицит по нынеш-

ним временам. Платят им сущие гроши, приходи и трудись на здоровье. Первый же, кто пожелает, станет счастливым обладателем музейной метлы (не в смысле экспоната, а как орудия труда). Правда, и научным сотрудникам платят немногим больше. Зато как звучит – НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК! Это не дворник тебе какой-то без высшего, и даже, может быть, без средне-специального образования. Мести метлой может каждый, а быть научным сотрудником – тут специфическое образование нужно! Аня даже остановилась в нерешительности. Нужно всё же возвратиться домой и уже оттуда позвонить по указанному телефону. И что? Услышат про её неоконченное высшее, и пиши пропало! Нет, надо идти! Хотя, пока она размышляла по поводу рациональности своего похода в отдел кадров, ноги уже привели её к пункту назначения.

Она стояла у двери с табличкой «кадровая служба». Над этой табличкой висела ещё одна, более солидная. На ней крупными буквами было написано: «Отдел общественных связей». Аня не была уверена, что войдёт в этот кабинет. Однако дверь, возле которой она стояла, вдруг открылась, и из кабинета вышла девушка.

– Здравствуйте, – не дав Ане опомниться, с очаровательной улыбкой на кукольном лице, поздоровалась она, – вы ко мне?

Аня невольно обратила внимание на то, как необычайно красива незнакомка. У неё была точёная фигура: высокая грудь, узкая талия, длинные стройные ноги. «90-60-90», – подумала Аня. Огромные синие глаза с длинными густыми ресницами поражали своей глубиной, светлорусые волны волос вились по плечам, и дополняла этот сногсшибательный образ ослепительная белозубая улыбка. «Неземная красота, – подумала Аня, – и что эта девушка с глянцевого обложки делает в провинциальном музее»? И уже вслух ответила:

– Не знаю, наверное. Я по объявлению «требуется научный сотрудник». – Аня зарделась от смущения.

– Правда?! – обрадовалась девушка. – Вот здорово! А то мы уже задыхаемся без научного сотрудника, – то ли с иронией, то ли искренне сказала она. Аня не поняла.

– Тогда вам не ко мне. Вам сначала нужно к нашему директору Елене Ивановне Сапожниковой. Идёмте, я как раз к ней иду.

Они пошли по коридору в левое крыло здания. Сердце у Ани так колотилось, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди от волнения и страха. Волнение было настолько сильным, что тошнота предательски подкатывала к горлу. Аня уже готова была развернуться и уйти, нет – убежать из этого коридора, из этого здания. Словно почувствовав её волнение, девушка, которая вела Аню, вдруг остановилась.

– Как вас зовут?

– Аня.

– Очень приятно, а я Вика Сенягина. Аня, вы не волнуйтесь. Коллектив у нас хороший, дружный. Только Елена Ивановна очень строгая, и если вы хотите работать у нас, не старайтесь ей понравиться. Будьте уверенной, на вопросы отвечайте чётко. Дайте понять, что у вас твёрдый характер, деловая хватка, что вы по натуре бизнес-вумен, а не серая архивная мышь. Не говорите, что любите науку и исключительно из любви к ней пришли сюда. Найдите другое обоснование своему желанию работать у нас. И самое главное, – уже у двери с табличкой «директор» проговорила Вика, – станьте на время собеседования зеркальным отражением Елены Ивановны. Тот же тон, те же поза и жесты во время разговора, ну что я вам объясняю, вы же психологию изучали! Если сумеете «присоединиться» – вы приняты на работу, нет – будет очередной, восьмой по счёту соискатель.

– Ничего себе, – успела подумать Аня перед тем, как войти в кабинет, – я уже седьмая, кто пытается стать здесь научным сотрудником.

– Удачи, – проговорила Вика, открывая директорскую дверь.

– Елена Ивановна, я вам нового научного сотрудника привела, – прямо с порога радостно возвестила она.

За столом возле компьютера сидела миловидная женщина средних лет. Она подняла голову и улыбнулась вошедшим девушкам.

– Неужели? Присядьте, пока я занята, – ледяным тоном обратилась она к Ане.

«Хорошее начало», – обречённо подумала Аня и ...вместо того чтобы сесть на стоящий у двери стул, на который указала ей директриса, нарочито громко стуча каблучками, прошла к директорскому столу, возле которого стояла Вика, и уселась в кресло, закинув ногу на ногу и приняв ту же позу, что и Сапожникова. Повисла напряжённая пауза.

– Виктория Владимировна, – прервала неловкое молчание директриса, – что у вас?

Словно зачарованная, не отрывая глаз от наглой соискательницы, та положила на стол бумаги.

– Смета на рекламную кампанию.

Сапожникова взяла документы и стала их изучать. Поскольку возле стола было только одно кресло, и оно уже было занято, Вика стояла. Ну не садиться же ей на стульчик возле двери, в самом деле? Однако! Преинтересная штучка эта Аня! Или хорошо усвоила урок, или та ещё стерва. Определить это наверняка Вика пока затруднялась.

Сапожникова тем временем очень медленно (специально – была уверена Вика) просматривала бумаги. Наконец она поставила свою подпись.

Когда дверь за Викторией закрылась, Сапожникова обратилась к Ане.

– Сколько вам лет?

– Девятнадцать.

– Вы с Викторией Владимировной Сенягиной ровесницы, не удивлюсь, что и приятельницы. Это она посоветовала вам обратиться ко мне? Учтите, я не терплю протезы.

Манера общения и тон, которым Сапожникова задавала вопросы, смахивали на допрос. Аня сразу почувствовала негативный настрой по отношению к себе, который исходил от этой женщины, но не подала виду и постаралась ответить как можно спокойнее.

– Нет, с Викторией Владимировной я познакомилась пятнадцать минут назад. Просто увидела объявление на окне музея.

– Которое из двух? – усмехнулась директриса.

– Мне нужна работа, и должность научного сотрудника вашего музея меня вполне устроит, по крайней мере, на первое время.

Сапожникова улыбнулась: наглость этой девочки её позабавила и одновременно заставила внимательнее присмотреться к ней. Елена Ивановна не любила просящего или извинительного тона, людей уважала настырных, идущих напролом ради достижения своих целей. Однако эти качества никак не клеились с тем, что она сейчас перед собой видела. Тоненькая, миниатюрная девочка, такая хрупкая и бледная, что невольно возникал вопрос: как её ноги носят? Но гонору хватит на трёх таких. Да, эта претендентка её определённо заинтересовала.

– А вы точно уверены, что эта должность вас устроит? Работы много, а вот денег не очень. И потом, я не вполне уверена, что наш музей устроит ваша кандидатура на эту должность. Что вы на это скажете? – Сапожникова продолжала улыбаться, но её улыбка теперь больше стала походить на застывшую, натянутую на лицо маску.

Аня была абсолютно уверена, что здесь ей ничего не светит, к тому же директриса была ей неприятна.

– Что я могу сказать? – пожала она плечами. – Как говаривал мой дедушка, «не судьба – понятие более позитивное, нежели негативное», – при этих словах Аня поднялась с чётким намерением уйти.

– погодите-ка, присядьте, – повелительным, не терпящим никаких возражений тоном остановила Аню Сапожникова. – Пётр Афанасьевич – ваш дед?

– Да. Я не представилась: Воронцова Анна Алексеевна. Профессор Воронцов действительно мой дед.

– Алексей Петрович и Надежда Ивановна – ваши родители?

Аня кивнула головой. Сапожникова некоторое время молчала, видно было, что мысли её далеко. Наконец она поднялась, подошла к книжному шкафу, некоторое время перебирала корешки книг, выбрала две из них и положила на стол перед Аней. Сверху лежало старое, довоенное издание учебника по этнографии края, написанное Петром Афанасьевичем Воронцовым для студентов исторического факультета университета. Эта книга очень хорошо была знакома Ане: на её книжной полке стояла точно такая.

– А знаете, как я догадалась, что вы внучка профессора Воронцова?

– Вы наверняка слышали эту его фразу о судьбе, которую он так любил повторять?

– Да, но не от него, как вы понимаете, а от своего деда, который преподавал с ним на одном факультете, и для которого Пётр Афанасьевич был непререкаемым авторитетом. Когда вашего деда взяли по доносу, он был одним из немногих, кто в то жестокое время встал на его защиту, за что и поплатился. Но в отличие от вашего деда, моему удалось выжить в лагерной мясорубке. А это вот, – Сапожникова открыла вторую книгу, – альбом, в котором вы можете обнаружить весьма интересные фотографии.

Аня листала альбом. На многих фотографиях были запечатлены её отец и мама. Множество рабочих фотографий, которые она никогда не видела: у доски во время лекции, в окружении студентов, на раскопках.

– Итак, с завтрашнего дня вы приступаете к работе. Думаю, в вашем лице музей приобрёл настоящего специалиста.

После ухода Ани Сапожникова долго ещё просматривала альбом. Ирония судьбы! Она так долго и тщательно подбирала кандидатуру на освободившуюся вакансию и уже почти отчаялась найти сотрудника, который отвечал бы её требованиям. Но тут провидение послало ей эту девочку! Продолжательница знаменитой династии историков. Будет достойная ей смена. Из неё выйдет толк, или она не Воронцова!

Глава 4

– Обживайся, вот твой стол и компьютер, – Клава Стрельникова деловито показывала Ане кабинет, в котором ей вместе с Клавой и ещё одной научной сотрудницей предстояло работать на благо музея. Клавдия была крупной высокой девушкой. Вероятно, из-за её роста полнота особо в глаза не бросалась. Зато взгляд у неё был пронзительный, он словно пригвождал к месту, особенно, если владелица этого взгляда была «не в духе». Служители между собой звали Клаву ведьмой за её чёрные глаза и, прямо скажем, вздорный характер, а те, кто ей сочувствовал, считали, что она такая из-за своего одиночества. Старой деве, как иногда за глаза звали её сотрудники, было уже двадцать пять лет.

– Вообще-то у нас один компьютер на двоих или троих сотрудников. А тебе Сапожникова велела выделить персональный. Наверняка, у неё на тебя определённые виды. Не завижусь я тебе. Елена Ивановна человек сложный. Многие не выдерживают, уходят, не проработав и полгода. У нас жуткая текучка. Постоянных нас, кто работает здесь уже больше года, раз, два и обчёлся – я, Вика да Петя. Остальные приходяще-уходящие. Тебе вдвойне тяжело будет, ведь Сапожникова возлагает на тебя огромные надежды. Ещё бы! Ты у нас не просто историк, ты – наследница известной профессорской династии! Все твои заслуги будут расцениваться как сами собой разумеющиеся, а вот проколы – у нас это нередко случается, ведь мы простые люди со всеми нашими достоинствами и недостатками – тебе, небожительнице Воронцовой, Сапожникова вряд ли простит. Она просто не поймёт. Поэтому не советую тебе допускать ошибок, особенно на первых порах. Но ты не бойся, Аня, мы ведь не волки. Можешь обращаться к нам, посоветуем, поможем, пока ты не вошла в курс дела. Мы друг за дружку горой стоим, иначе здесь не выживешь.

И Аня стала обживаться. На свой рабочий стол она поставила семейную фотографию: мама, отец, бабушка и она, ей только что исполнилось девять лет. Снимок был сделан перед экспедицией в Крым, из которой родители уже не вернулись. Такими и запомнила их Аня. Эта фотография была ей особенно дорога. Здесь же она положила дедушкину книгу по этнографии. В хрустальную вазу, которую принесла из дома, поставила чайную розу и решила, что розы всегда будут стоять у неё на столе. Именно этот сорт роз Аня особенно любила. С чайными розами была связана одна очень красивая романтическая история, которую Ане рассказала её бабушка. Во время Великой Отечественной войны Анастасия Павловна жила в эвакуации, в древнем и прекрасном городе Самарканде. Её соседкой по комнате была молоденькая девушка – украиночка Стефа, которая накануне войны вышла замуж. Муж её на следующий день после свадьбы ушёл на фронт, подарив на прощание чайную розу. И всю войну, всю эту тревожную вечность ожидания, она каждые три дня ставила в вазу свежую чайную розу. Одному Богу известно, где она её доставала! Но Стефа ни секунды не сомневалась, что любимый вернётся. Этот цветок не мог обмануть её надежды. И муж действительно вернулся, прошёл всю войну и вернулся, единственный мужчина из всей деревни. Ане нравились любые розы, но эта история так поразила воображение юной девочки, что она загадала желание: именно чайные розы помогут ей найти свою любовь – единственную, настоящую, одну на всю жизнь.

Когда же на следующий день Аня вошла в кабинет, ей бросилось в глаза, что на столе не было фотографии. Она обыскала стол, заглянула под него, проверила все выдвижные ящички, но фотографии нигде не было. Что же это, чья-то глупая шутка? Вот как встретил её «дружный коллектив»!

– Аня, – в кабинет вошла Клава Стрельникова, – Петя просил тебя включить компьютер и открыть музейный сайт. Он проверяет сеть. Что с тобой? – Клава увидела слёзы на глазах Ани. – Что случилось?

– Я вчера поставила на свой стол семейную фотографию. Её нет.

– погоди, успокойся. Я видела твою фотографию. Более того, когда я уходила вечером, а уходила я последняя, она стояла на столе. В кабинет, кроме тебя, сегодня ещё никто не входил. Поэтому я думаю, что нет никаких оснований для беспокойства: просто твою фотографию взял призрак.

Клава произнесла эту фразу обыденно, мимоходом, как нечто само собой разумеющееся. Однако тут же поняла, что совершила глупость, поскольку новенькая не была ещё посвящена в музейные легенды. Она в растерянности замолчала, увидев, какую реакцию произвели её слова на Аню.

– Ты что, издеваешься? – от возмущения у неё дрожал голос, – какой ещё призрак?

– Аня, ты успокойся, я не шучу и уж тем более не издеваюсь. У нас тут действительно происходят иногда необъяснимые явления. Ещё с дореволюционной поры шалит здесь хозяин этого особняка. А фотография твоя обязательно найдётся. Просто она сейчас где-то в другом месте.

На столе у Ани зазвонил телефон.

– Воронцова, включите компьютер и откройте музейный сайт. Срочно. Тэ. Че. Ка.

Аня засмеялась и подошла к компьютеру.

– Рубцов телеграмму прислал? – улыбнулась Клава.

– Что-то вроде того.

– Это в его репертуаре. Мировой парень. Ты расспроси его на досуге о Карагодове, он тебе всё популярно объяснит. Очень он его уважает.

– Кого? – не поняла Аня.

– Епифан Карагодов – некогда владелец этого особняка, ныне привидение, он же призрак. Я не очень в это верю, хотя порой не могу с рациональной точки зрения объяснить ту чертовщину, которая иногда тут происходит. А вот Петя – его фанат и преданный поклонник. А ещё хочу тебя поздравить.

– С чем? – удивилась Аня.

– Ты долго верой и правдой будешь служить нашему музею.

– Откуда ты знаешь? Может быть, я, как многие другие, не выдержу здесь более полугода?

– Выдержишь! – уверенным тоном заявила Клава. Она немного помолчала, а потом торжественно выдала:

– У тех, кто не задерживается в нашем музее, Епифан никогда не берёт личные вещи. Только у избранных. Так было и со мной, и с Петей, и с Викой. Так что добро пожаловать! Исчезновение фотографии – добрый знак. Вот увидишь, уже сегодня он тебе её вернёт.

Клава улыбалась, и Аня так и не смогла понять, шутит она или говорит серьёзно.

– Ты посиди пока за компьютером, может быть, ещё понадобится Пете Рубцову, а у меня есть неотложное дело.

И Клава выпорхнула из кабинета.

– Странно, – подумала Аня, – полненькая, а такая грациозная. Двигается словно балерина – легко и плавно.

И тут из компьютера полилась музыка – полонез Огинского. Аня вздрогнула, она очень любила эту мелодию. На экране засветился текст: «Анна Алексеевна! Мы рады приветствовать Вас в нашем коллективе. Примите от нас этот скромный букет и извините, что мы без приглашения к Вам на чай с тортом!»! Внизу плавала подпись: «Мы».

Аня смотрела на приветствие и ничего не понимала. Вдруг открылась дверь, и толпа людей, из которых Ане были знакомы пока только Вика и Клава, громко и дружно проскандировала: «Поздравляем со вступлением в ряды музейных работников!»! Затем прогремело троекратное «ура»! С огромным букетом красных роз к ней подошёл молодой мужчина, жеманно, словно барышня, сделал реверанс и вручил цветы. Все рассмеялись.

– Позвольте представиться – Пётр Рубцов, компьютерный гений и историк по совместительству.

Все снова рассмеялись.

– Наоборот, Петя, ты опять перепутал: историк, а потом уже компьютерный гений. – От группы отделилась Вика Сенягина с тортом в руках. – Клава, давай чашки, Василий Петрович, наливай!

Вместе с чашками на столе появились коньячные рюмочки. Водитель Василий Петрович быстро разлил коньяк.

– Ну что, Аня, добро пожаловать в наш дружный коллектив! – Виктория пригубила рюмочку, показав пример остальным присутствующим.

Все, кроме водителя, выпили коньяк. Клава разрешила торт, Вика разлила кипяток по чашкам, в которые предварительно бросила пакетики с чаем. В кабинете стоял шумный гомон и смех. Вика подводила Аню к каждому из присутствующих и знакомила. Среди тех, кто пришел поздравить её с началом трудовой деятельности, были не только научные сотрудники, но и смотрители. Сапожниковой не было. Она, как разъяснила Ане Вика, никогда не посещала такого рода мероприятий и всегда держалась от коллектива особняком.

Через пятнадцать минут шумная компания исчезла так же неожиданно, как и появилась.

– Что поделаться? – пожалала плечами Клава, – рабочий день никто не отменял.

После чаепития Аня вместе с Клавой и Викой отправилась знакомиться с музеем и его фондами.

Располагался музей в центре города. Это был роскошный особняк, построенный в середине девятнадцатого века известным на всю Россию купцом первой гильдии Епифаном Трофимовичем Карагодовым. Человек этот вошёл в историю родного города своей экстравагантностью. Он всегда и во всём стремился быть не таким, как все прочие представители его сословия. И это ему удалось. Ярким примером тому может служить дом купца, вернее, архитектура этого, без преувеличения, грандиозного сооружения. В настоящее время дом является наглядным пособием для студентов-архитекторов, поскольку в нём смешано сразу несколько архитектурных стилей.

Представьте себе великолепный дворец, подобие Екатерининского в Царском Селе. Только Карагодовский являл собою сооружение в форме буквы «П» и был несравненно меньше. В остальном же всё было очень похоже: та же пышность, утончённая красота и изящество отделки. Вдоль дорожки, ведущей ко входу, по обе её стороны, стояли античные статуи. Фасад был украшен белоснежными колоннами с фигурами кариатид, атлантов и другими лепными украшениями. На второй этаж вела парадная лестница в стиле рококо, перила которой были декорированы золочёной резьбой. На колоннах располагались фигурные вазы. Залы были огромных размеров с большим количеством окон, отчего в них всегда было светло, независимо от погоды. В интерьерах Карагодовского особняка отразились различные художественные стили, в основном, барокко и классицизм. Вполне заслуженно это великолепное здание получило статус памятника архитектуры федерального значения, а также стало визитной карточкой города, равно как и музей краеведения, в нём располагающийся.

Аня только в общих чертах имела представление о музее. Она несколько раз была здесь на различных выставках и экскурсиях вместе с классом ещё будучи школьницей. Уже потом, поступив на исторический факультет университета, она вместе с Аркадием частенько забегала сюда, чтобы познакомиться с очередной «привозной» экспозицией. И вот теперь она снова была на экскурсии, которую устроили ей Клава Стрельникова и Вика Сенягина, однако уже в роли сотрудника музея.

Говорила в основном Клава. Роль экскурсовода была для неё привычной.

– Наш музей, Анна Алексеевна, – Клава подчёркнуто официально произнесла имя и отчество Ани, – да, да, именно так и не иначе, ведь вы, Анна Алексеевна, теперь научный сотруд-

ник серьёзного государственного учреждения! Так вот, – продолжила Клава, – наш музей был основан в тысяча девятьсот тридцать пятом году. До революции, пардон, до большевистского государственного переворота, этот роскошный дом принадлежал сначала купцу Карагодову, а после его загадочной смерти его родственникам.

И словно предвосхищая реакцию Ани, Клава поспешно добавила:

– Все вопросы на эту тему к Рубцову Петру Константиновичу, он тебе всё популярно объяснит: и про купца, и про жизнь его горемычную, и про его смерть, и про жизнь его в этом доме после смерти уже в качестве призрака. У меня вся эта карагодовская история вот уже где стоит! – и Клава провела ребром ладони по горлу, показывая таким образом, где у неё уже стоит вся эта карагодовская история. – Наш музей – это солидная организация, у нас триста тысяч единиц хранения, из них двести десять тысяч предметов основного фонда. Согласись, для провинциального музея – не слабо! Наиболее ценные, можно сказать, уникальные – это коллекция русского художественного серебра XIX – начала XX веков, коллекция археологических предметов из золота и серебра, коллекция палеонтологии, археологии, нумизматики. Дважды, – Клава подняла указательный палец вверх, призывая вероятно, прочувствовать момент, – дважды за историю существования наш музей пытались ограбить! Экспозиционно-выставочная площадь – тысяча триста квадратных метров, временных выставок – триста, фондохранилищ – шестьсот всё тех же метров в квадрате. Впечатляет, да?

Этот вопрос, однако, остался без ответа, поскольку тут же последовал следующий, только уже от Вики Сенягиной.

– А знаешь, Аня, какое у нас среднее количество посетителей в год?

– Нет, какое?

– Двести пятьдесят тысяч!

– Да, – подхватила Клава, – и это заслуга исключительно нашего скромного руководителя отдела общественных связей в лице многоуважаемой Виктории Владимировны Сенягиной.

– Именно! И твоя ирония, Клава, здесь неуместна.

Стрельникова, казалось, пропустила обиженный тон Вики мимо ушей и продолжила как ни в чём не бывало.

– Что касается сотрудников нашего музея, то общая их численность – восемьдесят два человека, из них двадцать три научных. К ним относятся и те три дамы, которые сейчас чинно шествуют по гулкому коридору, направляясь в научную библиотеку, а затем в архив. Или наоборот, что не так важно.

Девушки осмотрели библиотеку и направились в музейный архив, который располагался в полуподвальном помещении карагодовского особняка, рядом с фондохранилищем. Это была небольшая по размерам комната, всю площадь которой занимали стеллажи с папками. У единственного окошка, через которое можно было увидеть только ноги проходящих мимо посетителей музея, стоял письменный стол, за которым научные сотрудники могли работать с документами. Выносить папки за пределы архивной комнаты строго запрещалось даже сотрудникам.

– Вот стеллаж, – Клава указала рукой на полки с табличкой «репрессии», – то, что тебе сейчас нужно. После того как с этих дел был снят гриф «секретно», их передали на хранение в наш архив. И в этом заслуга Сапожниковой. Именно Елене Ивановне принадлежала идея собрать в одном месте дела известных земляков, которые по воле рока или просто чьей-то чёрной зависти и злобы в одночасье из известных учёных превратились во «врагов народа». Здесь ты найдёшь и дело своего деда Петра Афанасьевича. Мы пойдём, а ты оставайся сколько захочешь.

И Клава с Викторией вышли, тихонько притворив за собой дверь.

С замиранием сердца Аня взяла с полки папку, на корешке которой была наклеена буква «В» и с душевным трепетом открыла её. В ней лежало одно единственное, пожелтевшее от времени «ДЕЛО» Воронцова Петра Афанасьевича. Ком подкатил к горлу, Аня закрыла глаза

и открыла папку. Первое, что она увидела, открыв глаза, была прикрепленная огромной ржавой скрепкой семейная фотография, исчезнувшая с её рабочего стола. Трясущимися руками Аня освободила фотографию из железного плена и прижала к груди. Протяжно скрипнула дверь, Аня обернулась на звук и к своему несказанному удивлению обнаружила, что та по-прежнему закрыта. Ей стало немного не по себе, однако мысли её сейчас были заняты совершенно другим. Она села за стол и стала читать материалы дела.

Из архива Аня направилась в свой кабинет. Там её поджидал Пётр Рубцов.

– Анна Алексеевна, вас можно поздравить?

Щёки его пылали ярким румянцем, что выдавало его крайнее возбуждение. Аня не поняла вопроса.

– Так ведь вы, Петя, простите, Пётр Константинович, меня уже поздравляли.

– А давайте перейдём на «ты», – предложил Рубцов, – так удобнее общаться.

– Давай, – легко согласилась Аня, потому что Пётр произвёл на неё приятное впечатление.

– Так вот, – продолжил Рубцов, – ты, Аня, не так меня поняла. Я хочу поздравить тебя с другим событием. Мне Клава с Викторией уже рассказали про историю с твоей семейной фотографией.

– Вот ты о чём! – Аня подошла к столу и вставила фотографию в рамку.

– Так он уже вернул её? – удивлению Петра не было предела. – Аня, расскажи, где ты её нашла и при каких обстоятельствах. Только подробно, ничего не упусти, пожалуйста.

Аня подумала, что Клава была права: Пётр – настоящий фанат музейного призрака. Она очень подробно, как он и просил, рассказала о происшествии в архиве, не забыв упомянуть и про скрип двери. Этот момент Петю особенно заинтересовал.

– Аня, ты расскажи всем об этой истории, особенно Вике Сенягиной. Она вечно меня на смех поднимает. Впрочем, никто, кроме меня, в музейный призрак не верит. Или не признаются, что верят. Хотя все, так или иначе, сталкивались с необъяснимыми явлениями в этом здании.

Аня решила воспользоваться моментом и расспросить Петю о привидении.

– Я расскажу тебе, Аня, всё, что знаю. Но не потому, что ты новый сотрудник и обязана быть в курсе, а потому что ты избранная. Однажды он может предстать перед тобой, и ты должна быть к этому готова.

Ане показалась сомнительной привилегия быть избранной призрака, а перспектива столкнуться с ним когда-нибудь в пустынных залах музея, откровенно говоря, ее озадачила. Однако она не стала говорить об этом Петру.

– Особняк, где сейчас располагается наш музей, – продолжил он свой рассказ, – построил купец первой гильдии Епифан Трофимович Карагодов. Оборотистый господин, сколотил миллионное состояние и при этом добрейшей души был человек, меценат. Большие деньги жертвовал в так называемые «дома призрения» – богадельни и сиротские приюты, а также воскресные школы и церкви. Изрядно тратился и на благоустройство города. При всех своих достоинствах пороки, правда, тоже имел – любил выпить и перекинуться в картишки. Однажды за карточным столом проиграл половину состояния. Говорили, от переживаний и скончался. С тех пор никто в этом доме долго жить не мог. Карагодов «шалил». За особняком закрепилась дурная слава, и долгие годы он попросту пустовал. Потом нагрянула революция, и особняк национализировала новая власть. А поскольку большевики были воинствующими материалистами, то предание о привидении бывшего владельца дома, который так и остался его подлинным владельцем, было поднято на смех. В доме разместилась выставка достижений сельского хозяйства, несколько контор. А если кто и сталкивался со странными явлениями в здании, предпочитали об этом не распространяться. Время такое было: Бога нет, Чёрта нет! Какое привидение, товарищи? Темнота! Но слухи не остановишь. Знаешь, как у Высоцкого:

И словно мухи тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам...

Останови любого прохожего и спроси его, есть ли в этом городе здания с привидениями. Тебе любой ответит: «Краеведческий музей». Вот так, Аня. Здесь Карагодову целая экспозиция посвящена. Личность для города знаковая, заслуги его со счетов не сбросишь – много для города сделал. Кабинет его воссоздали до мельчайших подробностей, как при жизни. Кстати, именно в нём он и обретаётся.

– Ты его видел?

– Не видел, Аня. Но это не значит, что его нет. Я, и не только я, слышал шаги в его кабинете, видел тень. И потом, иногда он переставляет предметы на своём письменном столе. А однажды Епифан Трофимович открыл коробку с любимыми сигарами и у одной надломил кончик. И случилось это в день, пришедшийся на дату его смерти.

Аня задумалась. Они некоторое время молчали.

– Всё это очень странно, Петя. Ты не подумай, что я не верю тебе, просто я хочу понять, почему он здесь, что его держит. О таких явлениях есть масса литературы. Если тебя так увлекла история Карагодова, то, может быть, есть смысл глубже покопаться в его жизни и понять причину его зависания здесь. Ты не задумывался над тем, что ему может быть нужна твоя помощь?

Пётр настолько был поражён словами Ани, что какое-то время даже не мог ничего сказать. Наконец он обрёл дар речи.

– Аня, признаюсь честно: ты меня сразила наповал. Ты – первый человек, который не покрутил пальцем у виска, слушая мои «бредни», как все высказываются о моих рассказах о Карагодове. И потом, ты подсказала мне идею. Я над этим никогда не задумывался. Действительно, что его здесь держит? Можно ли сделать что-нибудь для успокоения его души?

– А что с ним случилось, как он умер?

– По официальной версии от сердечного приступа. Я читал в архиве полицейский отчёт. Его нашли в кабинете за столом без видимых следов насилия. Перед этим он крупно проигрался в карты, что и посчитали причиной, приведшей к этому приступу. Проиграв половину состояния, вполне реально схлопотать инфаркт. Во всех газетах тогда смаковали подробности этого происшествия. В архиве сохранились некоторые. Кстати, на столе в его кабинете лежит некролог. Можешь почитать.

– Пойдём, почитаем.

Глава 5

С этих пор жизнь Ани изменилась. Она перевелась на заочное отделение университета и стала совмещать учёбу с работой. Бабушка постепенно шла на поправку и, наконец, была выписана из больницы с самым строжайшим предписанием врачей: не волноваться, правильно питаться и вовремя принимать все положенные лекарства. Аркадий отошёл на второй план, да и сам он старался о себе лишний раз не напоминать. Постепенно встречи их сошли на нет, они оставались приятелями и только.

В бешеном ритме жизни: работа, дом, бабушка, аптеки, больницы, сессии – Ане ни минуты не оставалось для себя. Однажды, находясь в музейном архиве, она почувствовала недомогание и, потянувшись за стаканом воды, упала в обморок. Обследование показало восьмую неделю беременности. Аня тотчас позвонила Аркадию и договорилась с ним о встрече.

Они плыли в речном трамвайчике. Зелёные волны, чайки, красота прибрежной природы успокоили Аню, и она решилась начать разговор.

– Аркаша, я беременна, уже восемь недель.

– А знаешь, я ведь тоже хотел тебе новость сообщить. – Он словно не слышал, что сказала ему подруга.

– Какую новость? – Аня была поражена реакцией Аркадия, вернее, полным её отсутствием. Она морально была готова к любым его эмоциям: радости, на что, в общем, не надеялась, к растерянности, даже к агрессии, но только не к безразличию.

– Я с родителями улетаю на днях в Швейцарию. Отца направляют в посольство. Мать, сама понимаешь, при нём, а у меня появилась прекрасная возможность учиться за границей. Я не могу упустить такой шанс. Мы замечательно проводили время, и я очень тебе за это благодарен. Но пойми: в мои планы на данный момент не входят ни ты, ни твой ребёнок.

К такому цинизму Аня тоже не была готова.

– Он не только мой, но и твой тоже.

– Да очнись ты, какой ребёнок при сложившихся обстоятельствах! Ты забыла, я уезжаю, а у тебя на руках больная бабка. Пораскинь мозгами, как ты со всеми справишься? Единственное, чем я смогу тебе помочь, это дать деньги на операцию. Не будь дурой, не губи жизнь ни свою, ни мою.

Аня вдруг поняла, насколько она заблуждалась в отношении Аркадия. На душе стало так омерзительно и грязно, она физически ощутила эту грязь, да так сильно, что захотелось вымыться.

– Нет, денег твоих я не возьму, они тебе пригодятся на новом месте. Ты поезжай, Аркаша. Забудь, что я тебе наговорила, это была шутка. Нет никакого ребёнка.

– Ну и шуточки у тебя! – Аркадий не мог скрыть своей радости. – Скажи, ты действительно так неудачно пошутила, или явишься к моим родителям со счастливым известием перед самым отъездом?

Аркадий нервничал, он хорошо знал Аню и был абсолютно уверен, что она не шутит. Но его устраивала её позиция, и он надеялся, что она от неё не откажется. И оказался прав.

– Успокойся, – словно прочитав его мысли, сказала Аня. – Я действительно пошутила, хотела тебя разыграть. Передай своим от меня привет с наилучшими пожеланиями. Не провайжай.

На ватных ногах Аня спустилась по трапу и пошла прочь с набережной, с места, где её предали и растоптали. Слезы застилали глаза, земля уходила из-под ног, она присела на скамейку и, успокоившись, приняла решение: эта страница перевёрнута, и надо забыть её содержание навсегда.

После отъезда Аркадия жизнь Ани покатила по проторенной дорожке – работа, учёба, заботы о больной бабушке. Беременность протекала сложно. Наблюдавший Аню врач посоветовал лечь в больницу, но бабушку не с кем было оставить, поэтому о стационаре не могло быть речи. Тем временем Анастасии Павловне становилось легче. Ходить без посторонней помощи она по-прежнему не могла, но к ней вернулась речь, и это обстоятельство вселяло надежду на полное выздоровление.

Однажды в один из долгих зимних вечеров Аня и Анастасия Павловна сидели в тёплой, уютной кухоньке и пили чай.

– Анюта, мне бы не хотелось, чтобы моя внучка считала меня выжившей из ума старухой. Обещай мне, что ты внимательно и без иронии меня выслушаешь.

– Бабушка, как ты можешь такое говорить!

– Могу, ведь после инсульта мои рассуждения кажутся некоторым довольно странными.

– Ты имеешь в виду свою любимую подругу Ольгу Сергеевну?

– Её. Она не говорит мне напрямую, но я же вижу, как она на меня смотрит.

– Бабуленька, милая моя! – Аня нежно обняла Анастасию Павловну. – Обещаю, я очень серьёзно отнесусь ко всему, что ты мне скажешь.

– Вот и ладно. Мне кажется, что все наши беды начались с того самого момента, когда я подарила тебе кувшин и он занял своё место на тумбочке возле твоей постели. Я абсолютно в этом уверена. Ничего не говори, послушай. Он долгие годы хранился в коробке, обёрнутый в плотную бумагу. Я наивно полагала, что это для того, чтобы ценная вещь не разбилась, а теперь понимаю: бумага и коробка были гарантией нашей безопасности.

– Что привело тебя, бабушка, к такому странному выводу?

– Вот видишь, и тебе мои слова показались странными. Только каждый раз, когда кувшин покидал своё укрытие, в нашей семье происходили неприятные события, которые всегда заканчивались бедой. Я это только сейчас поняла. У меня словно пелена с глаз упала. Твой дед, Пётр Афанасьевич, царство ему небесное, – Анастасия Павловна перекрестилась, – любил прихвастнуть, при случае, старинной вещицей. У нас в те годы множество народу бывало, как сейчас говорят, «бомонд», сливки общества. Все любовались кувшином, восхищались тонкостью резьбы, красотой узоров и переливами его граней. А потом твоего деда забрали по доносу, так и сгинул в лагерях.

– Да, бабушка, – Аня вздохнула, – это печальная история. Но я не думаю, что кувшин сыграл здесь какую-то роль. Время тогда такое было – репрессии. Деда потом ведь реабилитировали, восстановили его честное имя, снова стали печатать его труды. Студенты на факультете до сих пор пользуются дедушкиными статьями по этнографии.

– Я тоже так считала, только время тут не при чём. Вот скажи ты мне, какое такое время твоего отца и мать погубило?

– Ты рассказывала, что они погибли на раскопках – несчастный случай. Или это не так, бабушка?

– В этой истории, Анюта, больше вопросов, чем ответов. Но что кувшин тому виной, я теперь не сомневаюсь. Перед поездкой в Крым твой отец выпытывал у меня, как эта вещь появилась в нашей семье, и знаю ли я, в чём, собственно, состоит тайна кувшина. Согласись, внученька, по меньшей мере, странно: из поколения в поколение передаётся легенда о некоей тайне кувшина, но в чём она состоит, никто достоверно не знает. Отец твой в различных архивах тонны документов перелопатил и был уверен, что вплотную подобрался к разгадке. Вот кувшин его и погубил, а тайну не открыл. По преданию четвёртой в роду Анне откроет свою тайну хрусталь, а четвёртая в роду Анна – это ты. Девочка моя, Христа ради прошу тебя, убери кувшин с глаз долой и обещай мне никогда и никому ничего не рассказывать о нём. Пусть тайна останется тайной на веки вечные. Не пытайся её разгадать. Обещаешь?

– Хорошо, бабуленька, обещаю, ты только не волнуйся. Давай я тебе капелек накапаю.

– Надоели они мне хуже горькой редьки. Ну, хорошо, давай свои капли, только и себе накапай, тебе тоже успокоиться надо. Вижу, разбередила я тебе душу, только вида не подаёшь.

Рассказ Анастасии Павловны и впрямь зацепил Анну. Она долго не могла уснуть, думая о том, мог ли, в самом деле, кувшин таким негативным образом повлиять на судьбы её близких людей. В конце концов, она решила, что к несчастьям, случившимся в её семье в разное время, кувшин не имеет никакого отношения, скорее всего, это трагические совпадения.

Аня проснулась поздно. Какой необычный сон ей приснился! За те десять лет, прошедшие со времени гибели родителей, они снились ей лишь дважды, и оба раза, когда жизнь её подвергалась опасности. Они словно предупреждали о беде и своим появлением во снах уводили её от края. Так было накануне автокатастрофы. Когда Аня возвращалась из детского оздоровительного лагеря, в их автобус врезался грузовик, несколько ребят тогда погибли. Это была страшная трагедия, о которой даже сейчас, по прошествии стольких лет, Аня старалась не вспоминать. Второй раз родители приснились ей тогда, когда будучи студенткой первого курса, она была на раскопках древнего городища в Новгородской области. Всю их группу засыпало на дне раскопа обвалившейся внезапно землёй. К счастью, тогда никто не погиб. И вот снова. На этот раз ей приснилась бабушка. Они с чемоданом стояли на перроне, прибыл поезд. Из него вышел отец с мамой, подошли к ним, обняли. Так радостно и тепло на душе! И вдруг отец сказал: «Пора». Они втроём поднялись в вагон, помахав на прощание. Поезд тронулся, и Аня вдруг поняла, что родители и бабушка уезжают, а она стоит и не может сдвинуться с места. И уже издалека до неё долетели слова отца: «Не грусти, дочка, будь умницей, ты справишься!»

На кухне засвистел чайник, Аня улыбнулась. Милая бабушка! Сама ещё не совсем здорова, еле ходит, а всё норовит за ней поухаживать! Не стоит ей про сон говорить, тревожный он какой-то, зачем её беспокоить, лишний раз волновать.

– Бабуль, чайник закипел! – ответа не последовало, чайник продолжал свистеть. Аня вошла на кухню. За столом, уронив голову на грудь, сидела Анастасия Павловна. Она умерла в больнице в тот же день, так и не придя в сознание.

Похороны, поминки – всё как в тумане. Роддом, яркий свет операционной, белые халаты – всё словно во сне. Очнулась Аня уже в палате. Напротив женщина средних лет, неподалёку ещё одна, девочка лет восемнадцати, кормили грудью своих малышек. Аня приподнялась на кровати.

– Лежи, тебе пока рано вставать, – сказала та, что постарше. Роды у тебя тяжёлые были, отдыхай, сил набирайся.

– Я ведь не знаю даже, кто родился, мальчик или девочка. А вы, случайно, не знаете?

Женщины переглянулись, и та, что старше, ответила: «Ты, голуба, отдыхай. Врач придёт, вот у него и расспросишь». Медсестра, пришедшая за детьми, сказала Ане, что она ещё слишком слаба и что ребёнка ей принесут завтра. По крайней мере, она узнала, что родила девочку и заснула успокоенная.

Утром её пригласили в кабинет главврача, где она узнала, что её дочь родилась мёртвой. Это был удар такой силы, который Аня вряд ли смогла бы пережить самостоятельно. Её определили в клинику неврозов, в которой лечили довольно длительное время. Она долго не могла смириться с мыслью, что осталась совершенно одна, и очень боялась того неизбежного дня, когда нужно будет войти в пустую квартиру. Но Аня нашла способ справляться с приступами страха и неуверенности. В критический момент она вспоминала слова отца: «Ты справишься», которые обладали магическим свойством придавать ей силы.

Шли годы. Почти десять лет прошло с тех пор, когда Аня видела Аркадия последний раз. Она смирилась со своим одиночеством и стала воспринимать его как данность. С молодыми людьми общалась в рамках вынужденной необходимости, сугубо по работе. Благодаря Арка-

дию у Ани выработался стойкий иммунитет к мужчинам как к чему-то абсолютно чуждому и не имеющему к её жизни никакого отношения. Она не была феминисткой или мужененавистницей. Она просто не замечала мужчин, они перестали для неё существовать. Однако для молодой, красивой женщины такое состояние было противоестественным. Рано или поздно на её пути должен был возникнуть мужчина. И он возник.

Однажды, коротая одинокий вечер, Аня листала книгу об истории самодержавия во Франции. Выполненная в форме альбома книга была иллюстрирована великолепными репродукциями известных художников. Аня рассматривала портреты монархов. Взгляд её привлекло изображение молодого мужчины с тонкими, благородными чертами лица и грустными глазами. Эти глаза смотрели прямо в её душу, она физически почувствовала этот взгляд, устремлённый на неё сквозь столетия. В нём было столько тепла, сочувствия и участия, что Ане стало не по себе. «Ваше Величество, я польщена Вашим вниманием. Приятно осознать вдруг, что тебя понимают и так искренне тебе сопереживают». Аня услышала свой голос и замерла. Неужели она произнесла это вслух? Ей вдруг стало так легко и радостно, все тревоги как-то разом отступили, и Аня рассмеялась звонким, залихватистым смехом беззаботной девчонки. Теперь она здоровалась с ним каждое утро, желала ему спокойной ночи каждый раз, когда ложилась спать, или просто безмолвно смотрела на него, когда было тяжело на душе. Удивительно, но портрет излучал тепло! Аня ощущала его каждой клеточкой своего тела. Она мгновенно успокаивалась, когда была раздражена и блаженно засыпала с портретом в руках.

Перемены, произошедшие в молодой женщине, заметили все сослуживцы. Её словно подменили. В общительной, обаятельной хохотушке трудно было узнать теперь прежнюю, замкнутую в себе Анну. Все дружно решили, что она влюбилась, и делом чести женской половины музейного сообщества стало непременно узнать, кто же этот таинственный избранник.

Аню совершенно не смущала нелепость ситуации. Она влюбилась в бесплотный образ, в мужчину, который умер более двухсот лет назад! Ну и что? Ей с ним легко, он идеален, он всегда выслушает и поймёт, он никогда не предаст! Конечно, она понимала, что её отношение к портрету Людовика XVI смахивает на клинику, однако к психиатру не торопилась. К тому же её не оставляло чувство, что этот человек жив, и не менее странная уверенность в том, что она его обязательно встретит. Это легко было объяснить – влюблённые люди склонны выдавать желаемое за действительное. Однако разубеждать себя Аня не хотела.

Глава 6

Усталость накапливалась постепенно, достигнув, наконец, критического предела. Это утро стало последней каплей в чаше её терпения. Книга, которую она читала всю ночь, вопреки ожиданиям Ани не дала ей ответа. В крайнем раздражении она отшвырнула её прочь. Итогом этой импульсивной выходки стал опрокинутый кувшин, от которого откололась ручка. В довершение ко всему позвонила директриса с предписанием срочно переделать проект, который был уже практически готов. И даже этого оказалось мало. Теперь все вопросы, связанные с новым проектом, ей придётся согласовывать с Аркадием, который появился в их музее три месяца назад. Для Ани это его появление стало громом среди ясного неба. Уже накануне среди сотрудников стали муссировать слухи о скором появлении нового замдиректора. Предыдущий зам недавно уволился из-за разногласий с Сапожниковой. О том, чтобы назначить на эту должность кого-то из «своих», не могло быть и речи. Все они, по мнению Елены Ивановны, ещё не доросли до столь ответственной должности. Собственно, на такую «милость» никто из местных и не надеялся. Надо было знать Сапожникову, и подчинённые её хорошо знали! Поэтому никто и не ждал повышения и, естественно, никто не удивился, услышав о появлении нового замдиректора «извне».

Утром практикантка Леночка пробежала всех с объявлением о собрании, назначенном на одиннадцать часов. По какому поводу собрание, никто не сомневался: директриса будет представлять дружному коллективу нового сотрудника, которого нужно будет любить и жаловать очередные полгода максимум, поскольку более длительное время никто деспотизма Сапожниковой не выдерживал. Лена птичкой впорхнула в кабинет, где за компьютером сидела Клава и за своим столом разбирала какие-то бумаги Аня.

– Девочки, вы не представляете, какой он красивый, – прямо с порога восторженно выдохнула Леночка, – прямо Нарцисс!

– Я так понимаю, это характеристика нашего нового зама. – Клава отвлеклась от монитора, и хотя произнесла она это равнодушным тоном, было видно: информация Леночки её заинтересовала. – Красивый говоришь? Плохо!

– Это почему же? – на лице Леночки отразилось недоумение.

Аня, которая до этого невозмутимо перебирала бумаги, прекратила своё священнодействие и с интересом взглянула на Клаву. Она не повторила вопроса, но явно, как и Лена, с любопытством ждала на него ответ.

– Да потому, что половина таких вот как ты, восторженных девиц в музее, сразу же в него влюбятся. Представь, какая работа тогда будет! Если он действительно такой красавец, как ты говоришь, то Сапожникова сильно просчиталась. С внешностью понятно. Что ты ещё узнала о новом замае?

– Ничего особенного. Зовут Аркадий Павлович, учился в нашем университете на истфаке.

– А как его фамилия? – спросила Аня. Она постаралась задать вопрос как можно более безразличным тоном, хотя сердце её, казалось, выскочит из груди от волнения.

– Орлов, кажется.

Эти новости о новом замае вызвали в Ане какую-то смутную тревогу, но она сразу успокоилась, услышав его фамилию – Орлов. И всё же, что-то встрепенулось в ней, воспоминания нахлынули сами собой, помимо её воли. Она снова вспомнила Аркадия, их разговор на пристани. Как долго она старалась это забыть! Казалось, уже забыла. Но нет! Новый зам, тёзка того Аркадия, которого она безуспешно пыталась вычеркнуть из памяти все эти долгие годы, вдруг в одно мгновение воскресил в её душе и обиду, и любовь, и ненависть. Какие всё же бывают совпадения! К счастью, новый зам не тот Аркадий. Её Аркаша был Алексеев, а этот – Орлов.

Страшно даже представить, что произошло бы с ней, появившись Аркадий в их музее! Внутри у Ани всё похолодело от этой мысли.

– Сапожникова на одиннадцать назначила знакомство коллектива с новым замом. Девочки, я побежала, собрание через пятнадцать минут, а я ещё архив не предупредила, – последние слова Леночка договаривала уже в коридоре.

– Блаженная, одним словом, – задумчиво произнесла Клава ей вслед, – вот и влюбилась сразу, глупышка. Да-а-а... Что ж за птица такая, этот Орлов? А фамилия-то аристократическая, графская. Что скажешь, Аня?

– Да что гадать зря, сейчас увидим, что за орёл наш новый зам.

– Ты права. Идём знакомиться с новым начальством. Надо произвести хорошее впечатление, а опоздание ещё никогда не играло нам на руку.

Закрыв комнату на ключ, девушки направились в один из выставочных залов, где должно было состояться представление коллективу нового заместителя Сапожниковой.

В зале уже собралось большинство сотрудников, все стояли группками по несколько человек и тихонько переговаривались, поглядывая на дверь, из которой должна была появиться Сапожникова со своим новым замом. Девушки увидели Вику Сенягину, которая что-то увлечённо рассказывала Петру Рубцову, отчаянно при этом жестикулируя. Пётр только и успевал уворачиваться от её рук. Наконец он схватил Вику за запястья и стал что-то быстро говорить, словно опасаясь, что она убежит и не дослушает.

На это обратила внимание Клава.

– Интересно, интересно, – заметила она. – Смотри-ка, эта пара – гусь да гагара снова выясняют отношения. Вот людям неймётся. Вечно у них недоразумения какие-то. Пойдём, вмешаемся, пока они не рассорились как кошка с мышкой.

Девушки подошли к спорщикам.

– И что мы опять не поделили? – с ехидцей в голосе спросила Клава.

– Привидение! – хором выдали Вика и Пётр.

– Ну да, кто бы сомневался! Что на этот раз?

Однако выяснить, что с привидением на этот раз, они не успели. В зал вошла Сапожникова вместе с молодым красивым мужчиной.

– Итак, коллеги, – обратилась она к присутствующим, – позвольте представить вам нашего нового сотрудника и моего заместителя. Орлов Аркадий Павлович, прошу любить и жаловать.

Что говорила Сапожникова дальше, Аня уже не слышала. Она с ужасом смотрела на мужчину, словно это был призрак. Смотрела и не верила собственным глазам. Это был Аркадий. Тот самый, который прошёлся острым лезвием ножа по её сердцу и оставил на нём глубокий шрам, шрам, который продолжал кровоточить спустя десять лет! Призрак, возникший из небытия, стоял рядом с Сапожниковой и улыбался своей неотразимой, сражающей наповал улыбкой. Аня почувствовала слабость. Она оперлась на стоящую рядом витрину и закрыла глаза, чтобы избавиться от наваждения и побороть собственную, не вполне адекватную реакцию на появление Аркадия. Почему Орлов, ведь он Алексеев? Эта мысль позволила Ане отвлечься и справиться с накотившей слабостью. Впрочем, всё равно, какая теперь у него фамилия. Он мне безразличен. Аня как заклинание стала мысленно повторять эту фразу: он мне безразличен, он мне безразличен! И тут взгляды их встретились. Она собрала в кулак всю свою волю и во взгляде её – холодном и равнодушном, отразилось только одно – абсолютное безразличие!

Аркадий спустя годы практически не изменился. Он по-прежнему был статен и красив. В его манере держать себя на людях читались самоуверенность и даже некоторое высокомерие. С возрастом эти качества только усилились. Аркадий считал себя потомком небезызвестного Григория Орлова и немало времени потратил на то, чтобы доказать собственному отцу, что их семья имеет непосредственное отношение к князю Орлову. На этой почве между отцом

и сыном произошла серьёзная ссора, вылившаяся впоследствии в холодное отчуждение. Павел Иванович считал отчего-то наличие в истории семьи такого предка позором и категорически отрицал саму возможность своего родства с ним.

– С чего ты взял, что Григорий Орлов был твоим пращуром? У него, насколько мне известно, не было детей, – спросил Аркадия Павел Иванович, когда тот в очередной раз завёл разговор на эту тему.

– Ошибаешься, отец. – Аркадию очень хотелось, чтобы его теория относительно родства с Орловым была наконец принята и одобрена. – У него было трое внебрачных детей от Екатерины. Две девочки, которых под фамилией Алексеевых воспитывала камер-фрейлина императрицы Анна Протасова и мальчик, которого как своего племянника воспитывал камергер Василий Шкурин.

– Бог мой! Аркадий, ты хочешь сказать, что ты у нас ещё и царских кровей! Почему тогда я ничего не знаю о своём родстве с Екатериной? Почему? – Павел Иванович был взбешён. – Молчишь? Да потому, что всё это чушь полнейшая!

– Я молчу потому, что ты мне слова вставить не даёшь. Я не один месяц просидел в архивах и хочу показать тебе результат моего исследования. Вот, посмотри.

Аркадий протянул отцу лист бумаги. На нём были начерчены квадратики, в которых были вписаны фамилии и имена.

– Смотри, отец, это генеалогическое древо нашего рода, это доказательство нашего родства с Григорием Орловым.

Павел Иванович долго изучал графическое изображение и произнес, наконец, с горечью:

– Дурень ты, Аркаша. Линия Натальи Алексеевой не может официально вестись от Григория Орлова, даже если предположить, что она его дочь.

– Это почему же?

– Потому что она, как ты сам только что отметил – незаконнорожденная. А в официальном браке у Орлова не было детей. С его смертью его род пресёкся. Это то, что было в действительности. И тебе как историку, интересующемуся его личностью, стыдно этого не знать. Твоё родство с Григорием Орловым, а уж тем более с Екатериной, недоказуемо.

– Отец, я не собираюсь ничего никому доказывать. Но я не могу понять, почему ты впадаешь в ярость при одном только упоминании имени Орлова?

– А ты, я вижу, гордишься им. А гордиться-то, сын, нечем. Напротив, я бы стыдился своего родства с ним, если бы ты сумел доказать мне это родство!

– Ну вот, опять двадцать пять! – Аркадий искренне не понимал отца. Сам он, действительно, гордился своим предком.

Изучая историю рода Орловых, Аркадий узнал, что основателем династии был обычный солдат, который принимал участие в стрелецком бунте. Он был храбр и отважен, и боевые товарищи дали ему прозвище Орёл. Как и многие стрельцы, он был приговорён к смерти. По преданию, этот вояка, направляясь к плахе, оттолкнул ногой окровавленную голову стрельца, казнённого перед ним и заграждавшую ему дорогу. Это увидел Пётр I, наблюдавший за казнью. Царю понравилась та смелость, с которой служивый шёл на смерть, и он помиловал его. Иван Орёл был возведён в чин офицера и получил дворянство и новую фамилию – Орлов. Григорию Орлову он приходился дедом.

Самого Григория Аркадий воспринимал как благородного героя, принявшего участие в государственном перевороте исключительно ради любимой женщины: к тому времени молодая княгиня Екатерина и Орлов были любовниками. Однако Аркадий хорошо понимал, что романтический мотив для его отца не аргумент, и пытался изменить его мнение относительно знаменитого сородича, указав на его роль в управлении государством. В ответ на этот аргумент Павел Иванович предъявил свой единственный, но веский контраргумент – Григорий Орлов даже и не думал чем-нибудь управлять!

– Ты ведь профессиональный историк, сын?

– Да, ты же знаешь.

– Тогда должен быть осведомлён о том, что на улучшение дел в артиллерийской отрасли государство выделяло ежегодно порядка десяти миллионов. Как генерал-аншеф артиллерии Орлов просто был обязан использовать эти деньги на непосредственные нужды отрасли. И как он распорядился этими деньгами? Истратил без толку половину этой колоссальной суммы! Вся его заслуга в том, что он, имея вес в гвардии, возвёл на престол Екатерину и пользовался этой своей заслугой всю жизнь. Он обычный жигало, твой Орлов.

– Это почему же? – возмутился Аркадий.

– Да потому что при полном покрытии всех своих расходов из государственной казны он получал десять тысяч рублей ежемесячно карманных денег, десятками тысяч крестьян, земель – сотнями миль, дворцы, дома и прочие материальные блага. Государственный деятель, тоже мне! За какие такие заслуги?

– Это вполне объяснимо, отец. Ведь Екатерина любила Григория, он был её фаворитом. А всё то, что ты сейчас перечислил, была благодарность любимому человеку. Екатерина могла позволить себе такие подарки.

– То-то и оно, что фаворит! Любовник, и только, а не государственный деятель, как ты пытался мне его представить. По сути своей тунеядец, который сидел на шее у женщины, держа её в постоянном страхе и шантажируя тем, что в любой момент мог сбросить её с трона так же легко, как и возвёл. А ты говоришь – любимый человек! Не понимаю я, Аркадий, хоть убей, как можно уважать такого мужика? Слава Богу, что не имеем мы к нему никакого отношения! А ты смеешь гордиться им! Это твой идеал, пример для подражания? Запомни, Аркадий, – Павел Иванович стукнул кулаком по столу, – если ты будешь использовать женщин как твой никчёмный якобы предок, ты мне не сын!

– Отец, – Аркадий старался говорить как можно спокойнее, хотя голос его дрожал от возмущения, которое он тщательно старался скрыть, – если Орлов, по-твоему, полное ничтожество, как тогда ты оценишь его поступок во время чумы? Чума в Москве вызвала такие серьёзные волнения, что местные власти были не в состоянии справиться с мятежами. Надо было восстановить порядок и не дать восстанию распространиться за пределы Москвы. Григорий Орлов взял на себя эту задачу и блестяще с ней справился. Согласись, отец, нужно быть мужественным человеком, чтобы решиться на такое. Он ведь запросто мог умереть от чумы, он рисковал своей жизнью. И это было оценено по заслугам. В Царском Селе в честь его возвращения была построена триумфальная арка, которую сейчас называют «орловские ворота». Что ты на это скажешь?

– Вынужден огорчить тебя, сын. К этому времени Екатерина уже достаточно окрепла и перестала зависеть от Орлова. Она нашла себе нового, как ты говоришь, фаворита. И только ради того, чтобы вернуть расположение императрицы, Григорий и решил ехать в Москву. Жест отчаяния, так сказать. Однако это геройство его не спасло, он получил отставку. Екатерина откупилась, пожаловав ему титул князя. И давай, наконец, оставим этот разговор. Об Орлове я знаю не меньше твоего. Учитывая твой болезненный интерес к его личности и стремление любой ценой доказать наше родство с ним, я тщательнейшим образом изучил его биографию. И хочу сказать, сын, что все твои попытки представить его в моих глазах героем абсолютно бесполезны. Не трать понапрасну время ни моё, ни своё – тебе меня не переубедить. И слава Богу, что в природе не существует доказательств того, что твоя четырежды прабабка Наталья Александровна Алексеева была дочерью Григория Орлова, а не уважаемого всеми боевого офицера, потомственного дворянина Александра Ивановича Алексеева! Из уважения к отцу она, даже выйдя замуж, не взяла фамилию мужа. Всё верно будет в твоей схеме, сын, если ты заменишь имя Григория Орлова на имя Александра Алексеева, что соответствует истине и не подлежит сомнению. И не морочь мне больше голову. А вздумалешь показать кому

это якобы доказательство родства с Григорием Орловым, забудь, что у тебя есть отец. Я свой род веду от Александра Алексеева и горжусь этим!

Аркадий был обескуражен результатами полемики и никогда больше в разговорах с отцом не касался этой неприятной для него темы. Переубедить отца ему не удалось, каждый остался при своём мнении. Сразу же после его смерти Аркадий сменил фамилию. Он стал Орловым, о чём давно мечтал.

Будучи уже Орловым, Аркадий появился в музее. Никто, кроме Ани, не знал его прежней фамилии. Хотя они и работали вместе, тем не менее, практически не пересекались. Она никогда без особой нужды старалась к Аркадию не обращаться. Если приходилось согласовывать какие-то вопросы, Аня брала с собой Леночку Найдёнову, которая была тайно влюблена в нового замдиректора и у которой к нему всегда была наготове тысяча вопросов. Никто из сотрудников не был посвящён в историю их взаимоотношений и даже не подозревал о том, какое прошлое их объединяло. Аркадий, видимо чувствуя свою вину перед Аней, тоже лишней раз старался не напоминать о себе. Аня была рада этому – видеть его ей было неприятно. Она изо всех сил пыталась убедить себя, что простила Аркадию его предательство, однако понимала, что это не так. И вот теперь ей придётся общаться с ним вплотную, а не на уровне «здравствуйте, подпишите, пожалуйста, до свидания», поскольку он, на время отсутствия Сапожниковой, будет курировать её проект.

Глава 7

Поднимаясь по лестнице в свой кабинет, Аня натолкнулась на стайку сотрудников, которые что-то оживлённо обсуждали.

– Анют, привет! А ты припозднилась сегодня.

Практикантка Леночка Найдёнова была единственной в коллективе, к кому Аня испытывала не только искреннюю симпатию, но и почти родственные чувства. «Луч света в тёмном царстве» – точнее охарактеризовать эту девушку было трудно. Леночка была сиротой. Дом ребенка, затем детский дом. Однако суровая детдомовская действительность мало отразилась на её характере. Леночка была общительной, доброжелательной девушкой, очень искренней и открытой. Единственным минусом Аня считала её почти детскую наивность, из-за которой она нередко попадала в неловкие ситуации. Благодаря этому качеству в коллективе за ней закрепилось негласное прозвище «блаженная».

– В городской архив забегала, документы кое-какие к предстоящей выставке заказала.

– А тебя Аркадий Павлович уже два раза спрашивал, просил, когда появишься, к нему зайти. С чего вдруг, не знаешь?

– Я знаю, – встрял в разговор Пётр Рубцов. – Елена Ивановна уехала на несколько дней, а ему поручила наш проект держать на контроле. Так что девочки и мальчики, готовьтесь – новая метла хоть и не долго, но мести по-новому будет.

– Петя, прикуси язык, он тебе ещё пригодится, – одёрнула Рубцова Клавочка Стрельникова. – Всё, расходимся, ребята, перекур окончен. Предупреждён – значит вооружён.

Аня сидела в кабинете и смотрела на портрет своего Луи. Она не знала, как вести себя с Аркадием, и не была готова к общению с ним. Его появление стало для неё неприятной неожиданностью. Однако на коллектив, подавляющее большинство которого были женщины, он произвёл благостное впечатление, впрочем, как всегда. Ей очень хорошо была знакома эта особенность Аркадия. Он всегда умел расположить к себе. Мужчины его уважали и даже побаивались, поскольку в работе он никому спуска не давал, невзирая на личности. Женщины считали его красивым, галантным мужчиной. Некоторые о нём тайно вздыхали. Аркадий был холост, и это обстоятельство являлось предметом всеобщего обсуждения, поскольку личная жизнь неженатого начальника всегда вызывает самый живой интерес у подчинённых.

В дверь кабинета постучали, это был Аркадий. Он поздоровался, улыбнулся и сел за стол.

– Аня, я уже несколько месяцев здесь работаю, а мы с тобой кроме «здравствуй» и «до свидания» ничего друг другу не сказали. Может быть, встретимся после работы, посидим в нашем кафе, вспомним юность.

– Нет необходимости, поэтому и не общаемся, – ответила Аня, проигнорировав приглашение в кафе.

– Судя по твоему тону, вне рамок служебной необходимости ты со мной общаться не собираешься?

– Вы правильно меня поняли, Аркадий Павлович.

– Ну что ж, Анна Алексеевна, тогда объявите всем сотрудникам о совещании. Жду у себя через пятнадцать минут! – Аркадий стремительно поднялся и буквально вылетел из кабинета.

– А чего он хотел, – пожал плечами Аня, – чтобы я всё забыла, простила и снова бросилась в его объятия?

– Что это было? – в кабинет вошла Клава Стрельникова. – Аркадий Павлович выскочил от тебя, словно привидение увидел, чуть не снёс меня с лестницы и даже не извинился. Что у вас тут произошло?

– Ничего, зашёл объявить о совещании. Кстати, обойди всех, пожалуйста, на первом этаже, а я предупрежу на втором. Через пятнадцать минут все должны собраться у Орлова, без опозданий!

Клава с недоверием посмотрела на Аню, было видно, что её не убедило такое объяснение. Однако Аня сосредоточенно смотрела в монитор компьютера и не заметила многозначительного взгляда коллеги.

Когда сотрудники собрались, Аркадий сообщил, что директор Елена Ивановна срочно отбыла в командировку и что ему выпала ответственность возглавить музей на время её отсутствия. Поскольку к ним прибывает выставка восковых фигур из Санкт-Петербурга, необходимо радушно принять гостей, обеспечив им максимальное содействие.

– Анна Алексеевна, если я правильно понял, вы должны объединить свой проект с питерским. Изложите, пожалуйста, ваши соображения.

– Аркадий Павлович, о том, что Питер привезёт выставку, я узнала сегодня утром. Обновлённый проект я смогу представить вам только завтра. Да и он, я думаю, будет скорректирован после приезда куратора из Петербурга, с учётом их специфики. Так что чистовой вариант будет готов только к концу недели.

– Понятно. А что техники?

Поднялся Пётр Рубцов.

– Всё будет в порядке. В прошлом году они у нас уже были, какое им нужно оформление, мы представление имеем. Всё необходимое у нас уже есть. О технической части, Аркадий Павлович, можете не беспокоиться.

– Хорошо, что с рекламой?

Виктория Сенягина подробно разъяснила содержание рекламной кампании, а Пётр Рубцов с места заметил, что тратить столько денег на рекламу нет смысла, можно обойтись суммой в два раза меньше заявленной.

– Это почему же? – Аркадий был удивлён, – будьте добры, обоснуйте ваши выводы.

Напрасно Клава пыталась удержать Петра, он поднялся с места и заявил, что как только народ узнает о приезде восковых фигур, валом повалит в музей.

– Все ещё очень хорошо помнят, какая чертовщина творилась на выставке в прошлом году, и упустить шанс столкнуться с привидением вживую ещё раз мало кто захочет.

Аркадий растерялся, он не имел ни малейшего понятия, о чём говорил Пётр. Елена Ивановна ни о чём таком не упоминала, а признаться в незнании того, о чём, вероятно, знал весь коллектив, ему было неловко.

– Надеюсь, в этот раз ничего подобного не произойдёт, – выкрутился Аркадий. – Спасибо, все свободны.

Ему не давала покоя информация, которой он не владел. Такого прокола у него ещё не было, поскольку он всегда знал всё и обо всех. И он решил срочно исправить ситуацию, осторожно разузнав всё у простоватого и словоохотливого Петра Рубцова.

Пётр совмещал несколько должностей. Техническое оснащение музея тоже было на его плечах, а поскольку он прекрасно разбирался в компьютерах, то и обязанности системного администратора также не были ему в тягость. По глубокому убеждению Петра, копейка никогда не бывает лишней. Его небольшая по размерам аппаратная была напичкана до отказа всевозможными приборами, от которых, как змеи, расползались повсюду шнуры и провода. Пройти к столу, расположенному у окна, не наступив на распластанные по полу коммуникационные кабели, не представлялось возможным. Понятно, что большинство посетителей его кабинета, в основном женщины, часто запутывались каблуками в клубках проводов. Ещё хуже – падали, увлекая за собой тот или иной приборчик. Пётр всегда очень эмоционально реагировал на такое непочтительное отношение к его рабочему месту, поэтому основная масса

сотрудников предпочитала общаться с ним возле открытой двери и входила в аппаратную только с персонального приглашения хозяина.

Когда Аркадий подошёл к двери аппаратной, он услышал обрывок разговора Петра Рубцова и Вики Сенягиной.

– Нет, Петя, хотя сердце моё и свободно, отдам я его мужчине не только умному, красивому, что само собой разумеется, но и богатому. И чтоб непременно со счётом в Швейцарском банке.

– С такими запросами, Вика, ты никогда не выйдешь замуж. Хотя шанс у тебя всё же есть – один на миллион.

Аркадий рассудил, что если бы эта пара не хотела, чтобы их видели и слышали их разговор, то наверняка не сидели бы с открытой дверью. Он постучал, чтобы привлечь внимание собеседников к своей персоне.

– Не помешаю?

– Ну что вы, Аркадий Павлович, проходите, только осторожней, не зацепитесь за провода, – ответил Пётр. – Мы вот с мисс Реклама решили небольшой перекур устроить, чайком побаловаться.

– Присаживайтесь, – засуетилась Вика, – я и вас чаем угошу. Он у меня особенный: с корешками целебных трав и кусочками фруктов. Вкусный, ароматный, полезный, а настроение как поднимает – настоящий природный антидепрессант! Попробуйте, обязательно ещё захотите!

– Благодарю, вы так аппетитно прорекламировали свой чай, что мне действительно захотелось его попробовать. Теперь я понимаю, почему на наших выставках всегда аншлаг. Музею крупно повезло, что у него есть такой талантливый и такой обаятельный сотрудник!

Аркадий никогда не упускал случая расположить к себе людей, особенно женщин. Вика зарделась, и Аркадий понял, что его слова достигли цели. Он сел за стол, на котором вперемешку с разного цвета и размера шнурами лежали какие-то бумажки. Взгляд Аркадия привлёк карандашный набросок, напоминающий увеличенную многократно чью-то роспись. Заметив интерес гостя к рисунку, Пётр суетливо стал собирать со стола бумаги.

– Извините за творческий беспорядок, сейчас всё уберу, а то даже чашку поставить некуда.

Аркадия немного удивила та поспешность, с которой Пётр стал расчищать стол, но счёл это смущением подчинённого, к которому без предупреждения вошёл начальник. Чтобы сгладить неловкость ситуации, Аркадий обратился к Вике.

– Виктория Владимировна, а как вы относитесь к событиям, которые имели место на прошлогодней выставке питерского музея? Может быть, это подогреет интерес и к нынешнему сезону?

Вика поставила дымящуюся чашку перед Аркадием.

– Если честно, Аркадий Павлович, то я во всё это не верю.

– Как это не верю, как не верю? – взвился Пётр.

– А так. Своими глазами я этого не видела, а рассказать можно всё что угодно, особенно спьяну.

– Не слушайте вы её, Аркадий Павлович. Это она о зрителе нашем, Степане Афончине говорит. И не был он тогда пьян, а что язык у него заплетался, так, слава Богу, что он не онемел, увидев такое.

– Интересно, как он это рассказал, не побоялся, что на смех поднимут? – Аркадий с волнением ожидал ответа.

– А как было, так и рассказал. Елена Ивановна попросила его накануне открытия выставки Малюте Скуратову сапоги почистить, запылились они при транспортировке. Он и пошёл. Сел на скамеечку, чистит и приговаривает: «Будут у тебя, батюшка, сапожки блестеть,

сам царь обзавидуется!»! Это он, дурень, Ивана Грозного имел в виду, который тут же, неподалёку, на троне сидел. Сказал это и поднял голову, на Малюту глянул, а тот ему подмигнул. Как увидел это Стёпка, так со скамеечки и свалился. На следующий день Малюта снова подмигнул ему, привет, дескать, приятель! До окончания выставки Стёпка в зал с фигурами не заходил, так ему не по себе было.

– Сочинил он всё, чтобы перед Еленой Ивановной оправдаться, – отозвалась Вика. – Она как раз, когда он на полу возле Малюты валялся, зашла в зал. Вот, чтобы за пьянку не выгнали, и придумал эту басню.

– Трезвый был Степан, а ты, Викуля, Фома неверующая. Как ты тогда объяснишь обморок двух посетительниц? Ты же не станешь отрицать, что двоим одновременно не могло померещиться одно и то же. И пьяными эти женщины уж точно не были!

– Что же им померещилось? – не выдержал Аркадий.

– Осматривали они выставку, перед закрытием это было. Все разошлись, а эти две задержались, чтоб без толкотни, подробненько всё рассмотреть. Подошли к фигуре Ксении Романовой. Она стояла вместе с сыном Михаилом, будущим царём, первым из династии Романовых. Одна другой и говорит: «Смотри, какой сынок у неё ладненький. Кровь с молоком, не то, что наши оболтусы». А Ксения руку к груди приложила да поклонилась кумушкам до земли, в благодарность, значит, за добрые слова о сыне. Те в обморок и брякнулись. Леночка, экскурсовод наша, долго их потом валерьянкой отпаивала.

– Двоим одно и то же вряд ли померещится, в этом я с тобой согласна, – невозмутимым тоном парировала Вика, – а что в обморок упали, так это твоя вина.

– Вот те раз – приплыли! Я-то тут причём? – От негодования у Петра густо покраснели щёки.

– А притом, – продолжала наступать Вика. – Кондиционер в тот день навернулся, в зале такая духота стояла, удивительно, что только эти две сознание потеряли. А кто у нас за технику отвечает?

– Ты с больной головы на здоровую не вали. Кондиционеры – не моя забота, их обслуживает та фирма, которая установила.

– Хорошо, – не унималась Вика, – но в обморок они упали из-за духоты, а не оттого, что кому-то что-то померещилось.

– Интересно, как ты тогда объяснишь происшествие с причёской Елизаветы Петровны?

– Очень просто. Какой-то неумехе поручили привести в порядок волосы Елизаветы. Та испугалась, что её заставят заплатить за выдернутый клочок волос из музейного экспоната, оттого и придумала весь этот бред.

– Это не бред, – Пётр, казалось, взорвётся от возмущения. – Она спокойно расчёсывала волосы. Одна прядка спуталась, девочка попыталась её расчесать, дёрнула. Она же знала, что расчёсывает восковую куклу, поэтому особо не церемонилась. А та вдруг вскрикнула и рукой к больному месту прикоснулась. Ты бы после такого не потеряла сознание? Клаву спроси. Она потом со лба куклы капельки пота вытирала. Вспотеешь тут, когда тебе из головы волосы без наркоза выдирают!

– Ну, знаешь! Хотя чему я удивляюсь? Ты единственный, кто верит, что в нашем музее обитает привидение!

– Конечно, верю! Кто, как думаешь, по ночам экспонаты с места на место переставляет? Вызывала ведь Елена Ивановна специалистов по необъяснимым явлениям. Помнишь, что те выявили энергетические сгустки в некоторых местах здания?

– Конечно, выявили! Им же надо было деньги отрабатывать. Причём немалые!

– Нет, с тобой невозможно спокойно разговаривать, ты постоянно отрицаешь очевидные факты! Вот вы, Аркадий Павлович, что думаете по этому поводу? – с надеждой обратился к Орлову Пётр.

– Я думаю, что как бы там ни было, а нам эту ситуацию нужно использовать на благо музея. Не мешало бы напомнить горожанам о событиях, происходивших на выставке в прошлом году.

– Верно, – подключилась Вика. – Тогда такая шумиха поднялась, о нашем музее даже по центральному телевидению сюжет был, я не говорю уже о газетах.

– Думаю, нам надо поработать в этом направлении. Газетная статья в преддверии выставки нам и сейчас не помешает. Не лишней, я думаю, будет и интригующая заметка на официальном сайте музея. Виктория Владимировна, займитесь этим, пожалуйста. Спасибо за чай, он, действительно, восхитительный!

Глава 8

Аркадий был доволен. Он узнал, что хотел, и чувствовал себя гораздо увереннее, потому что наконец был в курсе всех музейных тайн. Теперь ему хотелось поскорее наладить отношения с Анной. Утренний разговор в её кабинете стал для него холодным душем. За те три месяца, что он работал в музее, им ни разу не удалось поговорить по душам. Аня всячески избегала общения, и это обстоятельство не давало покоя Аркадию. Он вынужден был признать, что Аня не была ему безразлична – юношеское увлечение не прошло бесследно. А теперь, когда она вела себя так, словно до его прихода в музей они никогда не были знакомы, его интерес к ней усилился многократно. И виной тому были не только вспыхнувшие с новой силой чувства, но и тот факт, что Анна, которая в юности любила его безмерно, теперь попросту игнорировала его существование. Конечно, Аркадий понимал: она обижена, но ведь столько лет прошло! Все эти годы он помнил её, его мучили угрызения совести всякий раз, когда он вспоминал их разговор на пристани. Он попытался оправдаться перед собой за свой поступок, и это у него получилось. Ну не мог же он, в самом деле, отказаться от учёбы в Швейцарии! Они стали заложниками обстоятельств, безвыходной ситуации! Свою вину перед Анной он загладит. Она по-прежнему любит его, в этом Аркадий не сомневался, а значит, обязательно простит, надо только хорошенько постараться.

В голове Аркадия возник план. На следующее утро он вызвал Воронцову в свой кабинет.

– Анна Алексеевна, завтра вам вместе с экспертом нужно будет съездить в Шалеевку. Местный житель преподнёс в дар сельскому музею занимательную вещицу – старинную табакерку. По его словам, она принадлежала самой Екатерине. Чем чёрт не шутит! Подготовьте от нашего музея все необходимые документы на проведение экспертизы. Поговорите с дарителем, узнайте, как эта вещь оказалась у него. Если в дальнейшем экспертиза подтвердит её подлинность, к вашей выставке добавится ещё один экспонат. Вы ведь готовите тему о развитии края в эпоху царствования Екатерины Великой, и эта штатулка – просто находка для вашей экспозиции.

– Вряд ли табакерка, даже если она и окажется подлинной, попадёт в мою экспозицию.

– Почему?

– Осталось мало времени, мы не успеем согласовать формальности.

– Не беспокойтесь, если эксперты дадут добро, все формальности я возьму на себя.

Задание Аркадия Аню не удивило, ей и раньше довольно часто приходилось бывать в командировках такого рода. В поисках ценных экспонатов она исколесила всю область, была и в Шалеевке. Старинный русский хутор стоял особняком от казачьих станиц. Говорили в нём на сложнособранном языке, в котором, кроме русских, можно было встретить и украинские, и даже польские слова. Когда-то Екатерина сослала сюда одного из своих фаворитов, подарив ему в утешение этот хутор вместе со всеми его жителями. Своё имя усадьба получила от фамилии её владельца – Шалеевка.

Иван Шалеев, статный красавец тридцати лет от роду, был дворцовым лакеем. Екатерине на тот момент было уже шестьдесят лет. Однако красавец-богатырь так поразил воображение императрицы, что она влюбилась в него без памяти. Когда же новая «игрушка» надоела, государыня отправила его с глаз долой, даровав ему графский титул и солидное имение с более чем четырьмя тысячами крепостных душ и ежегодным десятитысячным содержанием. Екатерина всегда была щедра в отношении своих любовников.

После революции усадьба была реквизирована. Все более или менее ценные вещи попали в лучшем случае в государственные музеи, в худшем – осели в сундуках жён чиновников от Наркомпроса, коим (чиновникам) и было поручено «все предметы искусства и старины, имеющие особую художественную и историческую ценность, передать в музеи...». Поэтому

Аню несколько не удивило появление в Шалеевке старинной вещи. В том, что это действительно табакерка императрицы, она почти не сомневалась. Интересно, из каких сундуков была эта вещица? Подарок молодому любовнику на память? И что заставило нынешних её владельцев расстаться с раритетом таким странным способом? Подарить старинную вещь музею благородно, но, учитывая реалии современной жизни, весьма глупо. Кто знает, может быть, нынешний владелец не комбайнёр Петруха, а вполне состоятельный бизнесмен, который может себе позволить такой щедрый подарок государству.

Предстоящая поездка так увлекла Аню, что она на некоторое время забыла о своей выставке, которая уже стала сниться ей по ночам. Шалеевка была прекрасным средством отвлечься хотя бы на некоторое время. К тому же там жила известная на всю область знахарка и ведунья бабка Устинья. Аня была у неё после смерти бабушки и дочери, и неизвестно, что больше помогло ей устоять и не сломаться под ударами судьбы: клиника неврозов или разговор «по душам» и целебные травы Устиньи. Аня снова нуждалась в поддержке и добром совете. Впервые за многие годы она была благодарна Аркадию. Решив все организационные вопросы, связанные с командировкой, Аня ушла сразу после окончания рабочего дня. Для сотрудников музея это стало настоящей сенсацией и очередным поводом посплетничать, поскольку никто уже не мог вспомнить, когда последний раз Воронцова уходила из музея вовремя. Обычно домой она никогда не торопилась.

Однако вопреки сложившейся за многие годы привычке, сегодня Аня не стала задерживаться на работе. Ей необходимо было пробежаться по магазинам, купить чего-нибудь съестного для знахарки. Денег с посетителей старушка не брала, считала, что лечение не пойдёт на пользу, а продукты принимала с благодарностью. Возиться в огороде у неё уже не было сил, вот и выручали подношения. Но и продуктов много не брала, посетителям приходилось увозить почти все свои дары обратно: «Много ль мне, старой, надо? Пропадёт, какая польза будет? Грех один. А вы, молодые, съедите на здоровье, а нет, так в церковь снесёте, неимущим пойдёт – душе вашей зачтётся».

Клава Стрельникова уже битый час искала по всем папкам запрос в Государственный архив, который должна была отправить несколько дней назад, но совершенно о нём забыла. Её состояние было близко к точке кипения, когда в кабинет вошла Вика Сенягина.

– Что это ты документами бросаешься? – спросила она, перехватив летящую прямо в неё папку.

– Это не музей, это настоящий дурдом! Точно помню, что положила эту злосчастную бумажку в эту папку поверх остальных документов, в эту, понимаешь? Её нет. Я перешерстила уже все папки – нет бумажки, исчезла без следа. Кому она понадобилась?

– Ты у Пети спроси, он тебе сразу скажет кому.

– После часового и, заметь, безрезультатного поиска, я готова поверить Пете. Кроме нашего привидения, эта бумажка уж точно никому не нужна. Хотела уйти сегодня пораньше, а мне ещё надо зайти к нашей примадонне, решить с ней кое-какие вопросы.

– А вот скажи ты мне, свет ясный, Клавочка, за что ты так Анюту невзлюбила? Так и норюшь кольнуть её при случае. Всё никак простить не можешь, что проект не тебе достался?

– Много ты понимаешь! Эта тема, к твоему сведению, тема моей диссертации. Я в ней ориентируюсь лучше, чем рыба в воде. Какой смысл было отдавать выставку другому сотруднику, если у меня по ней всё практически готово?

– Это ты спроси у Елены Ивановны, ведь темы распределяла она.

– Спрашивала, ты же знаешь Сапожникову с её «мы не ищем лёгких путей»! Ситуация тупейшая, если учесть тот факт, что я вынуждена заниматься темой, по которой Воронцова пишет диссертацию. Скажи, это вообще нормально? Складывается впечатление, что Сапожни-

кова специально стравливает сотрудников, а потом благосклонно разрешает конфликты, будто больше заняться нечем.

– Я так не думаю. Просто Елена Ивановна – продукт старой советской закалки и считает, что научные сотрудники должны разносторонне развиваться в науке, а не носиться каждый со своей любимой темой, как с писаной торбой. Я считаю это правильным. Аня предлагала тебе помощь, ты отказалась. Чего же теперь злиться?

– Да, подружка, умеешь ты утешить!

– Вот именно, подружка, никто другой тебе правду в глаза не скажет. Все только шушукуются по углам после очередного твоего прилюдного выпада против Анны. К чему привело это соперничество и стремление любой ценой быть первой, я тебе скажу: все считают тебя мегерой, а Воронцову чуть ли не святой. Хватит на сегодня, идём домой, а то, кроме сторожей, никого уже не осталось. Подумают ещё, что мы у них хлеб отнимаем.

– Как, а Воронцова?

– Она ушла ровно в семь. Не ушла, а убежала, словно за ней кто-то гнался. Не похоже на неё, обычно раньше восьми она никогда не уходила. Наверное, у неё действительно кто-то появился.

– Всем давно известно, кто. Похоже, одна ты не в курсе, – загадочно улыбнулась Клава.

– Я за неё рада.

– Неужели? Я бы на твоём месте не торопилась радоваться. У меня складывается такое впечатление, что ты ослепла.

– Это почему же? – удивилась Вика.

– Да потому что твой обожаемый Аркадий Павлович не вылезает из её кабинета, и она, когда не кинься, торчит у него. Ты не знала? А завтра, между прочим, они вместе едут в командировку, я сама слышала, как она нашей секретарше документы заказывала. Ты по-прежнему за неё рада, или как?

Вопрос остался без ответа. Вику так поразила эта новость, что она застыла на месте, побелев, словно гипсовая статуя. Увидев, какую реакцию произвели её слова на подружку, Клава на минуту почувствовала угрызения совести, но только на минуту. Ей стало жалко Вику, однако, на войне как на войне. Она отомстит этой белой и пушистой выскочке Анечке, но не своими руками. Клава хорошо знала собственные наклонности своей подружки и не сомневалась, что та сделает всё, чтобы дискредитировать Анну в глазах Аркадия. Виктория никогда не оставляла своим соперницам ни единого шанса. Клавдия это знала, поэтому и решила вызвать у Вики чувство ревности, что, судя по реакции подружки, ей блестяще удалось.

Утро следующего дня ознаменовалось событием, которое всколыхнуло сотрудников музея и заставило вновь заговорить о местной достопримечательности – о музейном призраке, которого никто и никогда не видел, но верить в его существование постепенно начинали уже самые отъявленные скептики.

Клава водила школьников по залу боевой славы. Текст она воспроизводила автоматически, а сама в это время была погружена в собственные мысли. Поэтому до неё не сразу дошёл смысл вопроса, который задал один из школьников – любознательный мальчик в очках.

– Скажите, пожалуйста, а кто эта Сапожникова, в каком она звании? Я ничего не слышал о генералах-женщинах, командующих армией во время войны.

– А почему ты решил, что она генерал? – Клава ничего не понимала.

– Распоряжения и приказы по армии отдавали командующие, здесь печать и подпись: «Сапожникова». Вот я и спрашиваю, какой армией она командовала и в каком звании была?

Клава подошла к витрине и под стеклом, среди пожелтевших от времени страниц документов военной поры, увидела пропавший из её папки запрос за подписью Сапожниковой и печатью музея. Она постаралась как можно спокойнее ответить на вопрос ребёнка.

– Этот документ современный, это запрос в Государственный архив Российской Федерации, и подписан он директором музея Еленой Ивановной Сапожниковой.

– Тогда что он тут делает?

– Хороший вопрос. Ребята, переходим в следующий зал.

Впервые Клавдия не нашла, что ответить. Такого конфуза за всё время работы не случилось. Она кое-как довела экскурсию и отправилась к Виктории, которая по этому случаю устроила стихийный митинг в курилке. А поскольку никого из начальства не было на местах, решили всё оставить как есть: запрос Сапожниковой в зале военной славы, а документ из зала военной славы в разделе «революция и гражданская война».

Пётр Рубцов ликовал. «Я же вам говорил», – читалось на его лице. Зато Клава ходила словно туча.

– Петя, увижу твой призрак, задушу собственными руками.

– Клава, не бери грех на душу, он уже один раз умер!

– Не ёрничай, без тебя тошно, умник. Вот скажи мне, Петя, как такое может быть: в каждом зале камера, а на плёнке ничего нет.

– Клава! Не думал, что ты такая тёмная! Его обычной камерой не возьмёшь. Здесь специальная, сверхчувствительная аппаратура нужна.

– Это «нечто» меня уже достало! Приедет Елена Ивановна, пусть связывается со своими охотниками за привидениями. Пора с ним кончать.

– Что я слышу, Клавдия Стрельникова! И ты, наконец, признала, что оно существует! Приятно, приятно! Только вот сомневаюсь, что Сапожникова пойдёт на такую крайнюю меру. Наше привидение не буйное. Ну, переставит иногда экспонаты, поменяет местами бумажки. Зато какая реклама музею, заметь, абсолютно бесплатная!

– Если бы поменяло местами бумажки, а то ведь стащило документ из моей папки! Узнает Сапожникова, что я эту бумагу до сих пор не отправила, мне же ещё и достанется.

– Правильно, Клавочка. Не в твоих интересах поднимать шумиху, эта история выеденного яйца не стоит. Пойдём лучше фирменного Викиного чайку попьём, стресс как рукой снимет. А потом вернём всё на свои места: документ в зал военной славы, а запрос на почту.

Глава 9

Аня проснулась задолго до звонка будильника. Как всегда ночью, накануне любой поездки, она плохо спала. Это стало уже давно сложившейся недоброй традицией. Растрёпанное, заспанное отражение в зеркале ванной комнаты заставило её улыбнуться: «Привет, красотка!»! Прошлёпав босыми ногами на кухню, Аня поставила на плиту чайник, рассчитывая на то, что чашка крепкого кофе придаст, наконец, ей бодрости, поскольку надежды на прохладный душ не оправдались, и она по-прежнему чувствовала себя разбитой.

Уже в семь утра ей надо быть возле музея, где её будет ждать Василий Петрович, водитель, с которым и предстояло путешествие в Шалеевку. Аня часто бывала с ним в деловых поездках. Человек он был весёлый, разговорчивый, поэтому время в пути пролетало незаметно. Прождав некоторое время, Аня забеспокоилась и уже собиралась звонить Василию Петровичу, когда увидела подъезжавшую машину. Это была не музейная «Нива», а роскошный внедорожник Аркадия.

– Доброе утро, Аня. Я вижу, моё появление для тебя явилось полной неожиданностью, для меня, признаться, тоже. Василий Петрович не смог завести «Ниву» и позвонил мне. В Шалеевке нас ждут сегодня, отменять поездку нельзя, поэтому поедем на моей машине. Надеюсь, ты не станешь возражать?

Возражать не было смысла, поэтому Аня молча села в машину. Аркадий суетился, протирал зачем-то приборную панель, которая и без того сияла, словно зеркало, и что-то без умолку говорил. Аня вдруг отчётливо поняла, какое чудовищное волнение скрывается за этой суетливостью, и ей стало жаль Аркадия. Он показался ей таким несчастным, что она на мгновение забыла о том, какие беды обрушились на её голову по его вине. Сейчас он казался ей беззащитным маленьким ребёнком, который нечаянно разбил дорогую вазу и, боясь наказания, сбивчиво и торопливо рассказывал маме, что это сделала кошка Мурка. Да и в чём, собственно, он виноват? В том, что в решающий момент смалодушничал, не смог принять ответственного решения, достойного настоящего мужчины? Так ведь не каждый зрелый мужчина способен принять такое решение, а в то время они были, в сущности, детьми. Все эти годы Аня таила в своём сердце обиду на Аркадия. Ей казалось, что простить его она не сможет никогда. И вдруг сейчас, в одно мгновение, она поняла, что обида прошла, исчезла без остатка, и на сердце стало так легко, что Аня невольно улыбнулась.

Они ехали по просыпающимся, ещё полупустым городским улицам, стремясь поскорее вырваться на просторную магистраль до начала неминуемых в час пик пробок. До Шалевки было сто шестьдесят километров, при хорошей погоде не более полутора часов езды. Когда они выехали за город, до Ани вдруг дошло, что они не заехали за экспертом.

– А как же эксперт? – спросила она.

– Какой смысл ему сейчас ехать, если на месте подлинность вещи со стопроцентной уверенностью он всё равно подтвердить не сможет. Даже если на табакерке личная подпись Екатерины, всё равно потребуется более тщательная экспертиза в условиях лаборатории и официальное заключение. Наша задача узнать, как предмет старины оказался у дарителя, и по акту местного музея принять вещь на экспертизу, ну и, конечно, доставить табакерку по назначению. Не беспокойся, с экспертом я договорился.

– Я так поняла, что и с нашим водителем ты тоже договорился.

– А ты осталась прежней, от тебя трудно что-либо утаить. Василий Петрович давно отгул просил, вот я и уважил человека. Аня, прошу, не сердись. Нам давно уже следовало поговорить. Я всё боялся к тебе подступиться, не знал, как начать разговор. А тут такой повод подвернулся. За эти годы я стал совершенно другим человеком. Всё это время я помнил о тебе и о том, каким негодяем оказался. Я ведь искал тебя и в музей устроился специально.

Аркадий свернул на обочину, заглушил двигатель и закурил сигарету. Мимо на огромной скорости проносились машины, и никому не было дела до одиноко стоящего на дороге автомобиля. Так и мы – мчимся без оглядки, без остановок, всё боимся куда-то не успеть и даже не задумываемся: а вдруг нам туда совсем не надо, и мы напрасно тратим драгоценное время? А нужно просто жить и радоваться каждому дню, каким бы он ни был. Аню поразила эта мысль. Столько лет она жила с обидой на сердце. Как отравляла её жизнь эта обида и как негативно повлияла на её судьбу!

Аркадий выбросил окурок в окно и достал из пачки вторую сигарету. Аня обратила внимание, как нервно дрожали его пальцы, когда он пытался прикурить. Сломанная сигарета полетела на обочину.

– Анюта, прости меня, не могу я больше жить с такой тяжестью: заставил тебя избавиться от ребёнка, уехал, когда тебе так необходима была моя поддержка. Я ведь даже в церковь ходил, свечи ставил за упокой души Анастасии Павловны и младенца не рождённого. Только легче мне не стало. – Аркадий замолчал и снова закурил сигарету.

– Нет на тебе греха, от беременности я тогда не стала избавляться, только девочка наша мёртвой родилась. Так судьба распорядилась. А зла на тебя я не держу. Правда, Аркаша, нет больше обиды. Давай не будем вспоминать прошлое, оно ушло, его не вернуть и ничего уже в нём не исправить.

– А будущее? У нас с тобой есть будущее?

Аня на мгновение задумалась.

– Я предпочитаю жить настоящим.

– Но я могу рассчитывать хотя бы на скромное место в твоей жизни?

– Только в качестве доброго знакомого и сослуживца, не более.

– Я отношусь к тебе как прежде, ничего не прошло, – заговорил Аркадий, но Аня его перебила:

– Моё сердце занято, я люблю, и это не ты, Аркаша.

Самолюбие Аркадия было уязвлено, но он не подал вида. Эта новость его не просто огорчила, а обескуражила. У него словно почву из-под ног выбили. До этого момента Аркадий был убеждён, что у Ани нет поклонников. Сферой её интересов были музей и дом. За всё время, пока он за ней наблюдал, она ни единого раза не встретила ни с одним мужчиной. Аркадий был сбит с толку. Сказать, что не верит, и признаться, что следил за ней, было равносильно самоубийству. Аня никогда не простит ему этой тайной слежки. Тогда получается что-то одно из двух: либо он проглядел, и у неё есть возлюбленный, либо она сказала ему неправду. И первое, и второе было одинаково плохо. В любом случае он не был ей нужен. Аркадий никогда не сворачивал с намеченного пути. Это было его кредо. Он всегда добивался цели любой ценой. Просто сослуживец? Хороший знакомый? Что ж, замечательно! Он даст ей время привыкнуть к этому, новому Аркадию, который сходит с ума от любви к ней. «Не камни женские сердца», вспомнилась фраза Дианы из «Собаки на сене», и он поставил себе очередную цель: «Ты будешь любить меня как прежде, и ещё сильнее прежнего».

Было уже начало десятого утра, когда Аня и Аркадий подъехали к зданию Шалеевской сельской администрации. Их радушно встретили работники сельсовета (так, ещё по старинке, называли это здание местные жители) и местный глава Проскурин Евгений Петрович, которые были знакомы с Аней с прошлого её приезда в Шалеевку.

– Милости просим, гости дорогие, как добрались, а как вам наш новый мост через речку, обратили внимание? Растём, развиваемся, планируем к зиме детский сад построить. Анечка, у нас учитель истории на пенсию вышла, айда к нам! Мы вас жильём обеспечим, дом бесплатно выделим как молодому специалисту. Зарплата довольно приличная, с сельскими надбавками побольше той будет, что вы в своём музее получаете. Вы сразу не отказывайтесь, подумайте. Время есть, пока лето. Но и долго с решением не затягивайте.

Ане была знакома манера общения местного главы, который, если его не остановить, долго мог ещё говорить без остановки.

– Знакомьтесь, Евгений Петрович, – Ане удалось вклиниться в секундную паузу между фразами без меры говорливого Проскурина, – это Аркадий Павлович, заместитель директора по научной работе, ведущий специалист нашего музея. А над вашим предложением я обещаю подумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.